

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

11

Мюнхен - Сан Франциско
1978

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции. — С Рождеством Христовым!	1
В. Пирожкова. — Искушение националистов и государственников	3
В. Ингул. — «Справедливость и мир»	11
Иосиф Мацкевич. — На пути великого соскальзывания.	13
Н. Онуфриев. — «Третья» в претензии.	19
Н. Отрадин. — Для отвода глаз?	21
Дора Штурман. — «Просто, как все великое»...	24
Русское Студенческое Христианское Движение.	31
В. Кобылин. — К сороколетию Мюнхенской конференции . . .	32
П. Болдырев. — Национально-освободительная борьба — кратчайший путь к ликвидации коммунистической диктатуры.	35
Владимир Рудинский. — Обзор зарубежной печати	36
Е. Кармазин. — О структуре управления экономикой на промышленных предприятиях СССР.	39
Сообщения и заметки о неприличии и оглоблях.	40

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

МЮНХЕН

№ 11 Декабрь 1978

САН ФРАНЦИСКО

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Всех читателей и друзей нашего журнала мы поздравляем с великим чудом воплощения Бога.

Рождество — великий праздник. На Западе он обычно празднуется как самый великий христианский праздник, даже больше, чем Пасха. На христианском Востоке Пасха — «праздник из праздников и торжество из торжеств». Но и Рождество Христово — великий праздник... Однако... все ли на Востоке и на Западе думают при этом о воплощении Бога? Не стал ли этот праздник для многих только милой традицией? Лишь уютным семейным праздником около разукрашенной елки с зажженными на ней свечами? Предлог для обмена подарками или для того, чтобы вспомнить почти забытых родственников или знакомых и послать им хоть раз в год пеструю открытку с рождественскими мотивами?

Глубоко верующие люди, также священники разных вероисповеданий жалуются на то, что Рождество стало просто поводом для всякого рода рождественских рынков (конечно, только на свободном Западе), для продажи и покупки безделушек или дорогих вещей, что оно материализовано, выхолощено.

Мы не отнесемся с презрением ни к семейной традиции, ни к разукрашенной елке, ни к подаркам, ни к рождественской сентиментальности. Лучше семейная традиция, чем полная пустота, лучше провести Сочельник у разукрашенной елки в кругу семьи, чем в кабаке, лучше хоть раз в год подумать о других с добрым желанием подаровать их хоть небольшим подарком или приветливым словом, чем полностью замкнуться в своем эгоизме.

Мы не хотим пренебрегать относительными ценностями только потому, что они — не абсолютные. Как раз в России, где есть склонность к максимализму, слишком часто пренебрегали относительными ценностями, ища только абсолютных, — и, увы,

столь часто на ложном пути. Ложный абсолют дает гораздо более страшные результаты, чем полное отсутствие абсолюта, чем ограничение относительными ценностями.

И все же мы хотим напомнить христианам, — в том числе и нам самим, — что воплощение Бога — это не семейная традиция, не национальная, и в этом нет ничего сентиментального. Это — потрясающая, великая тайна, и ангелы должны были успокаивать пастухов и говорить им «Не бойтесь», потому что ангелы — это не барокские ангелочки с хорошенькими крыльшками за спиной и розовыми надутыми щечками, а потрясающие духовные существа, при встрече с которыми человек впадает в священный трепет и страх.

И Младенец, родившийся в самой крайней нищете, какую себе только можно представить, этот Младенец пришел в мир, чтобы поставить людей перед серьезным и последним решением: готовы ли они уверовать в Бога Живого и в Него, Сына Божия, и готовы ли они бескомпромиссно изменить свою жизнь, сделать решительный поворот, метанойю, и поставить все, мы повторяем, решительно все остальное на второй план в своей жизни.

Ибо: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня», (от Матфея, 10, 37).

Мы начали с рассмотрения Рождества как семейной традиции, но Ребенок в яслях поставил под знак вопроса и семью, и ее традиции. «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». (От Мтф. 19, 19).

Разрушение семьи? О нет! Иисус Христос подтвердил заповеди, среди которых есть и заповедь о почитании родителей и, конечно, любви к ним. А как может Господь, Который дает родителям беспомощно-

го и требующего любви и заботы ребенка, хотеть, чтобы родители не любили своих детей? Конечно, это Божий завет любить родителей, любить детей, любить жену, любить мужа, но.. не больше, чем Его. Не делать себе кумира ни из одного из самых близких, самых дорогих людей. И если Господь призывает к высшему служению, надо оставить и их.

Но кумиров можно себе творить не только из людей, будь то свои близкие и любимые люди, будь то политические вожди. Кумиров можно себе творить из любых ценностей. Мы подчеркиваем: ценности. Дело идет именно о вещах самих по себе хороших, положительных, даже высоких, о таких, служить которым можно без стыда. И все же: если они станут всем, если вытеснят Господа на второе место или даже совсем, то они становятся злыми кумирами.

Таким кумиром может стать наука, искусство, литература, поэзия, музыка. Им может стать даже чрезмерное выполнение служебного долга, и многое другое, все, что отодвигает Бога на второй план.

Таким кумиром может стать и любовь к родине, нации, чувство, опять таки хорошее, ценное, высокое само по себе.

Сколько совершается жестокостей над животными и над людьми во имя науки! Жестокостей грешных, ничем неоправданных! А разве не пролили и не проливают коммунисты моря крови во имя науки, во имя «научного социализма»?

В своей гениальной пьесе «Портрет» Гоголь показал, куда может повести чрезмерное увлечение искусством. Талантливый художник, верующий христианин, увлекся только один раз своим эстетическим чувством и, несмотря на предупредившую его интуицию (вернее Божий голос в нем), взялся запечатлеть на полотне черты лица дьявольского ростовщика. И художник потерял душевный покой. Не знаясь прежде зависти, он стал завидовать своему талантливому ученику. Святых ликов он больше писать не мог: ангелы выходили выражением глаз похожими на дьявола. И только когда художник ушел в монастырь, он, после долгого времени молитв и поста смог снова писать святые лики лучше, чем когда-либо прежде.

Не всегда пагубные последствия выявляются так ясно. Часто ни человек сам, ни его окружение не замечают происшедших внутренних изменений после того, как что-либо в жизни человека оттеснило Бога на второй план. Зато потом последствия бывают катастрофичными и непоправимыми.

Единственный в своем одиноком гении писатель, единственный во всем мире, который «умел переводить внечеловеческие или сверхчеловеческие существования в людей так, что человек все же оставался человеком», — как писал Романо Гуардини в своей прекрасной книге «Религиозные образы в произведениях Достоевского», этот писатель показал нам, как национализм может стать кумиром и вытеснить Бога совсем.

На вопрос Ставрогина верит ли он в Бога испуганный националист Шатов отвечает: «Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую...», — залепетал в испуге Шатов.

— А в Бога? В Бога?

— Я.. я буду веровать в Бога.

Ни один мускул не дрогнул в лице Ставрогина. («Бесы», глава «Ночь», Рига, 1924 год, том 9, стр. 315).

Шатов в Бога не верил и не мог верить, потому что он верил только в свой кумир, русскую нацию.

Только, когда Шатов принимает к себе и прощает, изменившую ему жену, присутствует при чуде рождения человека в мир и безоговорочно принимает чужого ребенка как своего, в его душе рождается свет Христов, который, — еслиб его не убили революционеры, — надо думать, привел бы его к вере в Бога, отказу от испуганного национализма и переходу к нормальной любви к родине и народу, не вытесняющей Бога.

Подумаем обо всем этом в день Рождества Сына Божия и спросим себя, нет ли у нас кумиров, не склонны ли и мы предаться тому или иному кумиру и оттеснить Бога на задний план нашего существования. Не будем забывать: мы стоим перед суровыми временами.

Редакция.

В. ПИРОЖКОВА.

ИСКУШЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТОВ И ГОСУДАРСТВЕННИКОВ

МЛАДОРОССЫ

Последнее время мне пришлось немного заняться историей русской эмиграцией. При этом я невольно обратила внимание на то, что самые известные советские провокации в период между революцией 1917 г. и второй мировой войной, направленные против русской эмиграции, создавались не под левым, а под «правым» национальным флагом.

О Тресте, одной из наиболее эффективных советских провокаций, писалось последнее время довольно много, тогда как младороссы остались как-то в тени. Хотя именно младоросское движение подготовило феномен советских патриотов в первый послевоенный период.

Бросим же взгляд на это движение.

«Союз младороссов», носивший сначала название «Молодая Россия» и находившийся с самого начала под водительством А. Казем Бека организовался в 1923 году в Мюнхене.

Однако до 1929 года он большой роли не играл. С 1929 г. он выходит на широкую политическую арену эмиграции. В Манифесте от 5 октября 1929 г. говорится, между прочим, что младороссы будут стараться «подготовить, облегчить и ускорить наиболее безболезненную ликвидацию большевизма» (всюду цитируется по книге Р. Петрович «Младороссы», изд. «Заря», Лондон, Онтарио, Канада, 1973 г., стр. 5). Дальше младороссы решительно отвергают всякую интервенцию и вообще вооруженную борьбу против коммунизма. Они ставят ставку на эволюцию советской власти.

Младороссы очень национальны, и они — монархисты, хотя со странным лозунгом «царь и советы». Казем Бек призывает к чувству национального долга перед Россией, пишет о национальном благе. «Наши побуждения диктуются нам нашей заботой о национальном благе» (журнал «Младоросс» № 5, книга Р. П., стр. 7.)

Сначала младороссы очень антикоммунистичны. Доклад Казем Бека на собрании парижских очагов в 1930 г. (местных организаций младороссов) звучит прекрасно. Он говорит о том, что коммунисты не могут ограничиться властью в одной стране, что они стремятся к мировому господству, к мировой революции, что нельзя забывать

ни на минуту непрекращающуюся агрессию коммунизма, и т. д. «Построение социализма в одной стране, отвергавшееся как утопия Марксом и Лениным, оказывается для Сталина только средством для подготовки базы и кадров для генерального штурма, для последнего решительного боя», — говорит Казем Бек (там же, стр. 8). Не говоря об ошибке, что Ленин полностью отвергал временное построение социализма в одной стране, — еще в 1915 г. он писал о возможности такого построения — под приведенными словами Казем Бека вполне можно подписаться. Но выводы из этих правильных предпосылок уже звучат странно: «Итак, для нас, зарубежных националистов, вопрос идет не о борьбе с национальными внутрирусскими силами, а о борьбе со сталинской верхушкой ради возглавления той России, которую Ленин и Сталин против своей воли вывели из многолетнего сна.» (там же, стр. 9).

Что это за «национальные внутрирусские силы?» И из какого сна Ленин и даже Сталин вывели Россию?

Это объясняется последующими статьями в журнале «Младоросс». В № 11 за 1931 год в статье «Строительство душист коммунизм» стоит: «Хитроумный пятилетний план коммунистов превратился в народное строительство, которое коммунизм захлестнуло» (там же стр. 9).

Здесь уже сквозит тезис об «изживании марксизма» русским народом. Строительство, мол, уже русское, коммунисты не могут удержать руководство им в своих руках, народ захлестывает коммунистов и постепенно меняет характер власти. И это пишется в то время, когда идет страшная коллективизация, разгром русского, украинского крестьянства!

И в том же 1931 году в «Младороссе» № 12 Казем Бек утверждает: «В 1931 году тридцать миллионов русских избирателей (из коих пять миллионов состоит в комсомоле), которые пошли бы к урнам в случае всеобщих выборов, принадлежат к тому поколению, которое не помнит дореволюционной, и тем паче, довоенной русской жизни. Громадное, подавляющее большинство этих избирателей, которые составили бы ядро всей избирательной массы в России, сегодня голосовали бы за окончание пятилетки, за существующую власть, кото-

рая постепенно становится властью их сверстников.» (там же, стр. 10).*)

Комментарии излишни. Казем Бек ловко вычеркивает из «избирательной массы» всех крестьян, которые тогда составляли подавляющее большинство населения, или предполагает, что эти последние голосовали бы за насильственную коллективизацию, за свое разорение, за голод, за голодную смерть своих детей!

Этого, собственно говоря, было уже достаточно. Руководство младороссов выдало себя. Но... массы русской эмиграции, особенно ее молодого поколения, продолжали верить младороссам, не замечали ничего.

1 августа 1931 г. основывается журнал «Младоросская искра» и в № 2 «Младороссской искры» Информационный центр Союза заявляет: «Поскольку изживание коммунизма идет быстрыми шагами и нарождаются преемники коммунистической партии — национальная революция уже начинает совершаться». (там же, стр. 10-11).

Когда читаешь это и вспоминаешь собственные переживания ребенка, — относящиеся, правда, не к 1931, а немного более позднему году, когда согласно младороссам коммунизм еще более должен был быть изжит, — например, требование, чтобы все ученики и ученицы в школе, начиная с 11 лет голосовали за расстрел каких-то несчастных «вредителей железнодорожного транспорта» (я до сих пор горжусь, что одиннадцатилетним ребенком не подняла руки за расстрел, не подняла, правда, и против, опасаясь за судьбу родителей), — то спрашиваешь себя, неужели среди эмиграции не было тогда никого, кто хоть немного понимал истинную обстановку на родине? Никого, кто мог бы противостоять этой нелепости, этой лживой пропаганде? Такие люди были, но на них сразу же набрасывался целый хор «патриотов», их обвиняли в том, что они не любят Россию, что они не патриоты, не верят в возрождение России и т. п. Младороссы развивали шумную саморекламу. Казем Бек писал в «Младороссской искре» № 36: «Люди, упрекающие младороссов за неудержимую саморекламу, в сущности, делают этим младороссам комплимент. Все согласны в эмиграции, что в области саморекламы, которую мы называ-

ем пропагандой, рекорд поставлен младороссами. Но в наш век, век стремительности, пропаганда должна вестись соответствующими методами и темпами. Для успешности пропаганды нужна шумиха, нужна демагогия, нужна самореклама». (там же, страница 17).

И шумиха идет дальше. Элита-Величковский, один из руководителей младороссов, заявляет, что 1933 г. был годом победы России(?!). А если Сталин еще в Кремле, то потому, что пошел по пути уступок, а не потому, что победил. Начинается переоценка октябрьской революции. В № 39 «Младороссской искры» Казем Бек пишет: «Русская революция на первых своих этапах ознаменовала лишь предсмертные судороги старого мира. И лишь в дальнейшем развитии своем подошла к порогу нового мира. Новый мир уже родился.» (там же, стр. 20).

Младороссы, конечно, за новый, а не за старый мир, который по их мнению должен был отмереть.

Усиливаются призывы к национализму, которому должен быть безразличен режим, господствующий в России. В статье «Основные вопросы русской политики на исходе 1934 года» («Младоросская искра» № 41), Казем Бек пишет: «Будь Россия красной, будь Россия белой, она — Россия». И: «Оборона отечества — первый долг Русских. Судьба страны всегда важнее судьбы власти». (там же, стр. 20).

От кого же надо было оборонять Россию в 1934 году? Тут, оказывается, был подхвачен раздутый советской пропагандой якобы назревший конфликт с Японией. Но это не значит, что в тот момент наивные патриоты бросились в душе своей защищать даже Советский Союз, считая, что границы должны быть сохранены для будущей России, продолжая, однако, отрицательно относиться к октябрьской революции и режиму. Нет, переосмысление революции идет дальше. В том же № 41 «Младороссской искры» стоит: «Но революция была нужна, потому что так продолжаться не могло... Довоенная Россия была во власти устаревших порядков, устаревших идей и устаревших людей» (там же, стр. 20-21). И дальше говорится о коммунистическом правительстве: «Впрочем, отдадим ему справедливость: под напором объективной необходимости и народной стихии оно старается исправиться ценой постепенного отхода от своих первоначальных бредней» (там же, стр. 21). Накануне великого террора коммунистическое правительство, оказывается, исправлялось и отходило от сво-

*) В наше время такую пропаганду распространяет А. Зиновьев (см. статью С. Рафальского «Послекоммунистический антикоммунизм» «Новое Русское Слово» 17 сентября 1978 г.), но уже на основе русофобства. — В. П.

их бредней. Террор конца 30-х годов ознаменовал «отход от бредней!» Спасибо за такой отход! Дальше стоит: «Вопрос борьбы с властью отодвигается во времени до окончания войны. Практически в этом случае устанавливается неписанное политическое перемирие.» (там же, стр. 21). Вот здесь то и собака зарыта. Тогда войны вовсе не было. Но тут уже давался лозунг для поведения в случае действительного возникновения войны. Это была психологическая подготовка.

А между тем младороссы выдвигали лозунги, которые могли импонировать! «Младоросское движение должно целиком превратиться в фабрику русской силы — кадров русской национальной революции.» («Младоросская искра» № 36, там же, страница 17). Здесь готовится «слияние» «русских сил» за границей и на родине. Увы, «русские силы» на родине все более явно отождествляются с советским («своим») правительством.

В конце 1934 г. триместровый журнал «Младоросская искра» заменяется еженедельным пропагандным листком «Бодрость». «Бодрость» бодро пропагандирует перерождение коммунистического режима. «Возрождение Коминтерна.. международная революция как практический фактор постепенно исчезла из поля зрения Русской рабочей массы...» («Бодрость» № 3, там же, стр. 23)... отступление власти с коммунистических позиций, принявшее за последние месяцы стремительный характер...» («Бодрость» № 9, там же стр. 24).

«Продолжается строительство, начатое во имя коммунизма, но цели его стали другими — национальными. Продолжается воспевание трудового усилия, но смысл в это усилие вкладывается новый, более возвышенный... Социалистическое отечество превращается в Россию, социалистическое строительство — в борьбу за Русскую мощь, пролетарий в нового Русского человека. Это — наша победа.» («Бодрость» № 2, там же стр. 25).

С 1935 г. младороссы начинают открытое восхваление Сталина как национально-го вождя. В одном из трех, вышедших еще после основания «Бодрости», номеров «Младоросской искры», в № 43, Казем Бек пишет: «Эволюция Сталина развязала процесс национальной революции... Там, где диктатура Сталина отступила, расцветает жизнь. Сталин на тормозах сдает позиции марксизма.» (там же, стр. 25).

Изобретается «правый блок», который якобы существует в Политбюро, и к которому принадлежал убитый якобы левыми

Киров. Но, мол, храброго Сталина это убийство не испугало. «Выстрел Николаева не испугал Сталина. Наоборот, окончательно бросил его в руки «правых». («Бодрость» № 10, там же, стр. 26).

Киров был убит по приказу Сталина. Тогда младороссы этого не знали, но все же... откуда у них взялась фантазия о «правом блоке»? Через два года и это выяснилось, что мы еще увидим. Подчинение ГПУ комиссариату внутренних дел и тем самым переименование его в НКВД находит положительную оценку младороссов. «Сталину важно сосредоточить все рычаги в руках правого блока» («Бодрость» № 13, там же, стр. 26).

Восхваление Сталина идет дальше: «Сталин стремится стать сейчас национальным вождем потому, что всегда хотел быть вождем, а сейчас другой основы для власти, кроме национальной, нет.» («Бодрость», № 23, там же, стр. 27).

«Продолжая линию, взятую в прошлом году, Сталин ищет опоры в массах. Он сдает одну коммунистическую позицию за другой.» («Бодрость» № 30, там же стр. 27).

«Народный вождь Иосиф Сталин — вот формула, которая заменила старую формулу: товарищ Сталин — вождь международного пролетариата.» («Бодрость», № 31, там же, стр. 28).

«Его диктатура обусловлена поддержкой правого блока, поддержкой армии (это пишется накануне разгрома всего офицерства! — В. П.). Почему поддерживают Сталина эти националистические круги? Почему поощряют стремления марксистского калифа превратиться в народного вождя? Из любви и преданности к Сталину? Конечно, нет. Сталин у власти, пока он нужен правым, пока левые силы еще не разбиты до конца, пока коммунизм окончательно не изжит, пока переворот может вызвать еще сильное сопротивление слева, опасное при наличии угрозы извне, пока выгодно, чтобы ликвидация коммунизма происходила руками его вождя.» («Бодрость», № 32, там же, стр. 28).

«Новая реформа колхозов — новое поражение коммунизма» («Бодрость», № 21, там же стр. 28). О Господи, сколько нужно было иметь цинизма, чтобы писать подобное!

«Восхваляется «руссификация» функций и органов: «Вместо Кагановичей — Хрущевы. Хрущев во главе Москвы, Жданов во главе Ленинграда, Ежов во главе Комиссии Партийного контроля, Молотов во главе правительства...» («Бодрость», № 20,

там же, стр. 29). Ежовщина, ждановщина — Боже сохрани и спаси нас от такой русификации!

Одновременно идет травля антикоммунистов в эмиграции, которые именуется «староэмигрантами», — как будто младороссы были новыми эмигрантами! «Между староэмигрантами и живой Россией нет общего языка. В России нарастает национализм — староэмигранты призывают к поражению.» («Бодрость», № 32, там же, стр. 31).

Перепевы о «перерождении Сталина» идут своим чередом. «Важно то, что силой вещей Сталин сознательно стремится выйти в своего рода Наполеона или Цезаря, и с этим мы должны считаться... Нам надо считаться с тем, что Наполеон стал Цезарем, а Сталин в известном смысле становится Бонапартом.» («Бодрость», № 52, там же, стр. 36).

«У Сталина был и есть известный созидательный идеал. Очень туманный в начале, очень похожий когда-то на ленинский коммунистический идеал, он постепенно, под влиянием действительности, видоизменялся. И это видоизменение тем более «органично», что слой эмигрантско-марксистской сталинской психологии всегда был очень тонок, и его научно-марксистский багаж всегда невелик. С государственным, а вовсе не с коммунистическим идеалом Сталина мы и должны считаться.» («Бодрость» №52, там же, стр. 37).

Сталина поддерживали по мнению младороссов лучшие силы в России, и, каково бы ни было его прошлое, он в настоящем представлял собою элемент государственности. А поэтому следует... «избегать всего того, что могло бы позволить заподозрить нас в неискренности и двурушничестве, избегать всякого выступления, всякого акта, даже всякого выражения, которое могло бы показаться в России контрреволюционным.» («Бодрость» № 52, там же, стр. 37).

Вот мы и дошли до смысла всего предприятия: **ничего контрреволюционного, т. е. ничего антисоветского** — советское правительство принимается как **свое**. На самом деле эволюционировал не Сталин, эволюционировали младороссы. Они становились все более явно советскими попутчиками. Но несмотря на эти столь однозначные высказывания, широкая масса русокой эмиграции младороссам верила. Когда теперь читаешь документы этого движения, то непонятно, как же им можно было доверять, как не стало уже давно ясно, кто они такие? И тем не менее вот сообщение корреспондента парижской газеты «Возрождение» о собрании

младороссов в Париже в 1935 г.: «Огромный зал Сан Дидье полон до отказа. Трудно протиснуться через проходы, ибо и в проходах толпа. Кажется, за последнее время не было в эмиграции более многолюдного собрания. В этой зале, среди огромной толпы, представители всех политических течений эмиграции, всех ее возрастов, всех классов — старики и молодые, но гораздо больше молодых. В этой зале чуть ли не все молодое эмигрантское поколение, чуть ли не вся смена...

Более двух часов с небольшим перерывом говорил А. Л. Казем Бек. Не подлежит сомнению, что слова его будили среди русских молодых людей бурю энтузиазма. Когда говорил он о величии России, когда призывал он Россию любить, несмотря на все, всегда помнил прежде всего о России, когда звал он к бодрости, к вере в русский народ чувствовалось, что вся зала вместе с ним, и одинаково аплодировали ему начальник первого отдела Общевоинского Союза ген. Эрдели, юноши-младороссы, эмигрантские «отцы» и даже сотрудники «Последних новостей.» (Цитируется по книге В. С. Варшавского «Незамеченное поколение», изд. им. Чехова, Нью Йорк, 1956 г., стр. 59).

Казем Бек был советским агентом. Раскрыт он был случайно, если только «случай» не бывает иногда (или всегда?) скрытым от нас провиденциальным стечением обстоятельств, которое должно было произойти именно так. Так же газета «Возрождение» опубликовала в № 4090 за 6 августа 1937 г. следующую заметку:

«ГПУ И МЛАДРОССЫ.

31 июля, 4 часа пополудни. Кафе «Роаяль» — дорогое и редко посещаемое эмигрантами, возле Маллэн.

Внутри у окна сидит Александр Львович Казем Бек. С ним — некто в сером, постоянный наблюдатель на советских выставках в Париже... Пьют кофе, поглядывают на улицу, кого-то ждут.

Но вот и третий, постаревший, обрюзгший, с мешками под глазами, усталый в движениях. Хорошо одет, держится с достоинством, есть какой-то лоск. Командорская ленточка Почетного Легиона. Тербит мундштук. Живок, два-три слова. Он уходит вглубь зала и садится в угол, за выступ стены, так что с улицы его не видно.

Глава младоросской партии и его советский спутник бросают недопитое кофе и поспешно перебираются в тот же укромный закулок. Последний пришедший рассказы-

вает, он ведет беседу, наблюдатель в сером попыхивает папиросой, время от времени одобрительно кивает головой, молчит. Читает «Последние новости». Его дело сторона. Он обеспечивает официальность свидания.

Что за конспирация? Кто сей важный гость?

Бывший граф Алексей Алексеевич Игнатъев. Бывший паж, бывший агент императорской России в Париже, бывший царский генерал, а ныне знатный человек из Москвы, говорят, главный инспектор военно-учебных заведений в СССР.

Таков факт. Свидетели — наш бывший посол в Вене Н. Н. Шебенко, редактор «Возрождения» Ю. Ф. Семенов, полковник генерального штаба С. С. Писаревский, его супруга и автор этих строк. Все пятеро знают хорошо и Казем Бека, и Игнатъева.

Мы уселись по соседству и созерцали представителей первой и второй советских партий... Я лично подходил к их столику вплотную, чтобы лучше рассмотреть Игнатъева. Казем Бек, увидя меня, растерянно поздоровался и смутился до чрезвычайности. Игнатъев совсем забился в угол и время от времени поглядывал оттуда на нас недружелюбными глазами. Некто в сером повернулся боком и начал мять в руках газету..

Эмигранты и члены младоросской партии, в первую очередь, конечно, сделают надлежащий вывод.

Н. Алексеев».

(цитируется по книге Р. Петровича, страницы 39-40).

Казем Бек должен был уйти с поста главы младоросской партии. Младоросское движение пошло на убыль. Но Казем Бек только в 1956 г. вернулся в Сов. Союз. В «Правде» от 16 января 1957 г. было помещено письмо Казем Бека, где он, между прочим, писал: «Моя желанная мечта сбылась — я снова на родине, где меня тепло встретила большая советская семья. Друзья, товарищи окружили меня теплом и заботой. Я заверяю советских людей, что сумею своим честным трудом отплатить стране и Советскому правительству за разрешение вернуться на Родину и включиться в общую борьбу за мир... Я рад, что вырвался из американского «рая» (последние 15 лет перед возвращением Казем Бек прожил в США, — В.П.), я счастлив, что народ и правительство мне верят, и я могу посвятить остаток дней своих служению своей стране, идущей по историческому пути и строящей светлое будущее для всего человечества» (там же, стр. 41).

Свой «честный труд» Казем Бек начал уже, став главой младоросской партии. Уже тогда он работал на советское правительство.

Несколько лет тому назад Казем Бек приезжал в Париж, и ряд видных бывших младороссов не преминул с ним встретиться! (Новое Русское Слово 21 февр. 1975 г.) Нас это крайне поражает. Или удивляться не надо?

Какие же выводы мы должны сделать из младоросской аферы? Мы думаем, что важны были бы следующие:

1) В то самое время, когда в самой России еще гналось все русское национальное, оплевывалась русская история, преподносилась в полностью искаженном виде, за границей советская агентура сознательно создавала национальные легенды, твердила доверчивым эмигрантам о возрождении России и об изживании коммунизма, и возводила Сталина в национальные вожди. Ловля русских на национальную удочку началась гораздо раньше, чем думали мы, жившие в Советском Союзе. Нам казалось, что коммунисты выкинули национальную приманку незадолго до второй мировой войны, но оказывается, они ввели национальный элемент в свою дьявольскую игру уже с 20-х годов. Коммунисты всегда применяли стратегию, рассчитанную на далекое будущее.

2) Легенду о том, что при Сталине совершился поворот от истинного коммунизма к русскому национализму, что Сталин — наследник Ивана Грозного и Петра Великого, — эту легенду выдумали и пустили в оборот сами коммунисты, очевидно, с согласия того же Сталина. Все новейшие, которые играют этим или утверждают эту легенду, не должны забывать, что впервые она была придумана и пущена в ход советской агентурой. Те, кто ее сейчас повторяют, третья волна или иностранцы, конечно, могут в это честно верить, но, зная, что эта теория была создана советской агентурой, они должны бы были ее пересмотреть. В данном случае все равно, ставят ли эту «генеалогию» под знак плюс, как это делали младороссы, или под знак минус, как делают русофобы третьей волны. Важно то, что такой взгляд на Сталина и его время выгоден самим коммунистам, пустившим эту теорию в ход.

3) Ни национальные фразы, ни горячие заявления о любви к России, ни особая «русскость» не являются гарантией того, что мы не имеем дела с провокацией. Коммунисты очень часто играли особенно успешно именно на крайнем национализме. Причем здесь подтверждается французская

пословица: *Les extremes se touchent* (крайности соприкасаются), так русофобы и крайние националисты временами сходились и сходятся в оценке как сталинского времени, так и теперешнего, брежневского. Только, повторяем, одни ставят эту оценку под знак минус, другие же под знак плюс.

Абсолютных гарантий в человеческой жизни нет вообще, но относительной гарантией от провокации, думается, может служить последовательный антикоммунизм, соединенный с последовательно непримиримым отношением к советской власти, к советскому правительству.

Если начинается подговаривание к тому, что мол, плох только русский коммунизм, тогда как «еврокоммунизм», или еще какой-нибудь коммунизм, может быть, на Огненной земле станет хорош, потому что идея сама по себе хороша, то надо быть сугубо осторожным.

Но и с другой стороны, если начинаются разговоры о том, что теперешнее советское руководство не так уж плохо, потому что оно состоит из русских (хотя и коммунистов), что оно все же печется об интересах России, что оно способно на эволюцию, что марксизм им уже изжит, — или появляются нотки лояльности советскому правительству, оно называется «своим» — то тоже надо быть настороже.

Для нас неприемлем **всякий** коммунизм и все коммунисты, русские и китайские, немецкие и папуасские. Никаких компромиссов мы в этом вопросе признавать не можем.

СОВЕТСКИЕ ПАТРИОТЫ

Разоблачение Казем Бека как советского агента не побудило всех младороссов пересмотреть свои принципиальные позиции. Многие, видимо, продолжали видеть в Сталине национального вождя. И это чувство усилилось во время второй мировой войны: Сталин защищал Россию! Так думали многие эмигранты, младороссы и не младороссы. Не удивительно поэтому, что в духовно страшном феномене «советского патриотизма», возникшем во Франции после второй мировой войны, немалую роль играли бывшие младороссы. Советские патриоты выказали разную степень «патриотизма»: одни ограничивались платоническими симпатиями к СССР, другие взяли советские паспорта и уехали в Сов. Союз — судьба их была печальна, — наконец, третьи, взяв советский паспорт, работали некоторое время на советское правительство, оставаясь во Франции.

Нам в наших исследованиях повезло: у нас имеется интересный документ, открытое письмо бывшего видного младоросса и затем не менее видного советского патриота, князя С. С. Оболенского, напечатанное в № 6 газеты «Народная правда» в 1949 г. Это письмо раскрывает нам мотивы, побудившие кн. Оболенского, а также, видимо, и многих других, взять советский паспорт и работать на советскую власть. Кн. Оболенский пишет: «В 1945 г. я лояльно и честно хотел служить советской власти, как правительству моей страны». (цитируется по книге В. Варшавского, стр. 369). Оболенский служил три с половиной года в Совинформбюро. И вот основа этого решения: «Не таюсь: государственным я был и таковым остался, но только на русский манер. Кривая каша 17-го года меня не прельщает ничуть. Но нужно же понять: почти сто лет тому назад Юрий Самарин, именем русской традиции, пророчески разъяснял Александру II, что механическое единство пруссианизированной николаевской эпохи может породить лишь бунт и анархию». (там же, стр. 360).

Если не познакомиться сначала с младоросской литературой, то никак не понять, какую роль Самарин и Александр II сыграли в решении стать советским патриотом. Но из младоросской литературы ясно: мы имеем дело опять с попыткой как-то оправдать революцию 1917 г. и убедить себя, что советский режим служит русской государственности. Или мог бы ей служить. «Глядя назад, я и сейчас продолжаю теоретически считать, что было бы лучше, если бы в решительный исторический час, в 1945 г., сталинский режим оказался в состоянии переродиться, вполне переключившись на новые рельсы, — как я твердо уверен в том, что своевременную реформу императорского строя следовало бы предпочесть революции.» (там же, стр. 366).

Прочтешь эти строки и только разведешь руками. Конечно, если человеку пришлось при каких-либо обстоятельствах столкнуться с разъяренным тигром, то для этого человека, вне сомнения, было бы лучше, если б тигр в решающий момент (когда он готовится прыгнуть на человека), переродился бы в лань. Но какой разумный человек будет этого серьезно ожидать? Надо **ничего** не понимать в сущности коммунизма, чтобы всерьез питать подобные надежды. И очень многие в эмиграции, к сожалению, так и не нашли нужным изучить коммунизм и понять его настоящую сущность. Но, кроме этого, нас **глубоко** возмущают постоянно проводимые Оболенским парал-

лели между коммунистической диктатурой и императорской Россией. Так, после процитированного нами места о Самарине следует: «Не говоря уже о том, что Александр II вполне был в состоянии понять то, что писал Самарин, — даже в худшие периоды старой монархии в ней действовали смягчающие русские силы. Нужно было дожить до советской одержимости немецким «Государством Разума», чтобы увидеть такой полицейский режим и такое идолопоклонство, как сейчас, когда сталинизм, после войны (только после войны?! — В.П.) доказал окончательно, что ни на какое смягчение он органически не может пойти». (там же, стр. 368).

Эти слова можно понять так, что и российская монархия была нерусская, была чуждая, была плохая, жестокая, но все же смягчалась русскими силами. Сталинизм же полностью нерусский, — это немецкое государство разума, т. е. гегельянство. Мы еще раз протестуем против такой трактовки монархии, но и снова указываем на незнание природы коммунизма. Да, молодой Маркс многое заимствовал от Гегеля, в ранних произведениях Маркса Гегель еще вылезает из всех пор. Но чем дальше идет время, тем меньше Гегеля у самого Маркса. И его уже почти совсем не заметно у Энгельса, и тем более у Ленина и его последователей.

Нет, это не гегельянство, и дело здесь совсем не в «Государстве Разума», хотя бы и доведенном до абсолютности, а в идеологии как псевдорелигии, и в партократии, как выражается Авторханов. В том-то и дело, что в Сов. Союзе не партия подчиняется государству, а государство партии. Этого «государственники» вроде С. Оболенского понять не могли и ловились на удочку «крепкого государства», даже если это государство по их мнению переходило границы дозволенного. Здесь и заложена основа искушения государственников и националистов.

Хотя бы в 1949 г. кн. Оболенский, как кажется, начал понимать сущность коммунизма. После заявления, что он хотел быть лояльным по отношению к «своему» государству он пишет: «Но работая целыми днями в Совинформбюро, я не мог не заметить, что для «начальства» французские коммунисты — «свои», в неизмеримо большей степени, чем я. Думал сначала: мало ли что, хоть я и не коммунист и никогда коммунистом не буду, а может быть, ко мне присмотрятся, что я действительно лоялен. Но постепенно никаких сомнений не осталось — речь с самого начала шла о разных

вещах: та лояльность из патриотизма, которую я сдуру предлагал сталинскому режиму, им ни к черту не нужна, а той лояльности коммунистической, которая одна им нужна, я дать не могу и не желаю.» (там же, стр. 369).

На первый взгляд — полное прозрение, которое можно только приветствовать. Но внимательный читатель письма заметит, что слово «коммунистический» встречается в нем только один раз, именно в связи с коммунистической лояльностью, которой кн. С. Оболенский не может и не хочет дать. А так везде употребляются термины «сталинизм» и «сталинский режим». Психологически это понятно: младороссы именно Сталина возвели в национальные вожди. Они приветствовали именно сталинизм, в котором видели разницу по отношению к ленинизму. Поэтому бывший младоросс и говорит о своем разочаровании именно в сталинизме. Но тем не менее объективно здесь употребляется ложный термин. Мы утверждаем, что «сталинизма» как отдельного феномена никогда не было. Существует только один феномен: коммунизм. Он может выступать в несколько различных вариациях, из которых сталинская, видимо, не является самой жестокой. В Камбодже, например, коммунизм принял форму настолько жестокую, что даже левый бывший кандидат в американские президенты МакГоверн, который рьяно протестовал против той военной помощи, которую американцы оказывали антикоммунистам Вьетнама, призвал тех же американцев оккупировать Камбоджу, чтобы прекратить «народодубийство».

Но если выделить сталинский период коммунизма в какой-то отдельный феномен, то можно снова создавать себе иллюзии, что если «сталинизм» не смог в «решающий час» переродиться, то зато «хрущевизм», «брежневизм» или «андроповизм» в будущий решающий час переродится. Эти опасные иллюзии только тогда не смогут возникнуть, если вдуматься в сущность коммунизма как такового и иметь его все время перед глазами.

СОВРЕМЕННЫЕ ИСКУШЕНИЯ

Если мы правильно наблюдаем, то в настоящее время мы снова подвергаемся «национальному искушению». С той стороны идет волной национальный и даже националистический материал «русской оппозиции». В этом потоке пока что трудно разобраться, трудно оценить качество отдельных материалов и анонимных и не анонимных авторов. Но попытаться хоть немного разобраться надо. Потому что перед эмиграцией сно-

ва опасность наглотаться сладкого яда национализма в отличие от горького яда русофобства.

Многие из указанных материалов содержат довольно примитивные национальные фразы, рассуждения о значении и важности нации как таковой безотносительно времени и места, или же специально русской нации, но тоже так, как будто бы никакого коммунизма на территории России не существовало. Иные опять-таки призывают к тому, чтобы русские были хорошими православными и объединялись вокруг православной церкви, опять-таки без конкретных указаний, вокруг какой церкви, потому что в виду можно иметь и Московскую патриархию. В лучшем случае в этих документах отсутствует всякий антикоммунизм или отрицательное, не говоря уже непримиримое, отношение к советскому режиму. В худших случаях имеются даже выпады против антикоммунизма или антисоветизма. Иногда говорится о «государстве», опять-таки без малейшего упоминания о том, что дело идет о **коммунистическом** государстве.

Так как движение таких материалов и лиц, видимо, только начинается, и мы в будущем будем иметь под рукой гораздо больше материала, мы оставляем за собой сделать подробный анализ его позже. Ясно только, что мы ни в коем случае не должны отступать от принципа, что **русский коммунист или русский гебист ничуть не лучше, чем еврейский, или немецкий, китайский, камбоджийский или англеский**. Если мы отступим от этого принципа, то можем очень скоро скатиться на нечто вроде «неомладороссизма», на точку зрения, что «русские брежневисты» все же защищают русское государство, и если их и следует критиковать, то только за то, что они его недостаточно хорошо защищают.

Эти мотивы мы уже имеем в эмигрантской печати. Так, кн. Оболенский, ныне главный редактор нового журнала «Русское Возрождение», пишет в номер 1 этого журнала в статье «К первым итогам» следующее: «Достаточно напомнить, какой опасностью для России обернулась величайшая победа интернационального коммунизма, одержанная в Китае. И по сей день диву даешься, когда узнаешь, например, из новейших американских подсчетов, что против этой реальной китайской опасности направлена всего только одна пятая военного усилия СССР, тогда как русские деньги, а теперь, кажется, уже русские жизни тратятся на новое предприятие в Восточной Африке, с русской точки зрения не только совершенно бессмысленное, но и угрожаю-

щее еще больше изолировать русский народ в случае столкновения с Китаем». (страницы 234-235).

Мы же, говоря откровенно, диву даемся не тому, что советское правительство держит только одну пятую своих вооруженных сил на дальневосточной границе — это мы считаем логично совершенно в порядке вещей, — а тому, что автор статьи не задумался над этим фактом под совсем другим углом зрения. Посылка автора, вернее, незыблемый постулат, таков: коммунистический Китай является огромной угрозой коммунистическому СССР: (ах нет, России!), так отчего же советское правительство не сосредоточивает на этой границе своих войск?

А что если рассмотреть вопрос с другого конца, начав не с идеологической установки, а с простых и неоспоримых фактов: советское правительство не стягивает войск на китайской границе, — это неоспоримый факт. Не означает ли это, что коммунистический Китай не является опасностью для коммунистического СССР? Мы думаем, что только такой вывод и возможен. Советское правительство можно упрекнуть в чем угодно, но только не в том, что оно не заботится о собственной безопасности, или что оно глупо и не дальновидно. Увы, коммунистическая стратегия весьма дальновидна и рассчитана на дальний прицел.

Мы старались показать в нашей статье «Раздели один на два» (№ 9 «Голос Зарубежья»), что «ссора» между красным Китаем и СССР входит в огромный, очень умный и очень тонкий стратегический план мирового коммунизма.

Но С. Оболенский, видимо, в существование этого мирового коммунизма не верит. Он снова готов верить в то, что советское правительство должно было бы защищать русские интересы, и снова, как во времена младороссов и начала советского патриотизма, перед нашими глазами выдвигается внешняя опасность не только для СССР, но и для России. В 1934 г., когда Казем Бек призывал заключить компромисс с советской властью, никакой реальной опасности со стороны Японии не было ни для СССР, ни для России. Мы полагаем, что и сейчас никакой реальной опасности со стороны красного Китая СССР не существует. Если когда-нибудь восстановится Россия, тогда **красный Китай** будет для нее опасностью, но если Китай к тому времени тоже освободится от коммунистического ига, то трудно предсказать, какие отношения сложатся между ним и Россией.

Но увы, это дело очень далекого буду-

щего. Так думаем мы. Но в статье кн. Оболенского содержится надежда на какой-то скорый переворот, или перерождение советского правительства. Нам кажется, что здесь совершенно ясно звучат младоросские мотивы. Оболенский пишет: «И можно серьезно надеяться, что в пределе обострение этого противоречия (истинной русскости и национальной пропагандой — В. П.) скорее всего расколет, разорвет весь режим. Уже и теперь — о чем также говорится в нашем журнале — прорывы подлинной русскости все чаще и определеннее наблюдаются **внутри самого официального советского мира** (подчеркнуто нами, — В. П.). Дальше их по всей вероятности, будет становиться все больше. И если с Божьей помощью станет окончательно ясно, что только подлинная русскость, а не уродливый национал-большевизм, может дать выход из нынешних очевидных тупиков, то из самого «аппарата» великое множество сегодняшних оппортунистов мгновенно перебегут в лагерь русского возрождения, тем самым облегчая спасительный исторический переворот» (страница 235).

Чем же это не младоросская дикция? Разве не писали в свое время младороссы, что в самом аппарате появляется все больше русскости? Приводили даже поименные примеры: Молотов, Жданов, Ежов... В конце концов, они даже Сталина объявили национальным вождем. Не случится ли так, что и теперь какой-нибудь преемник стареющего и больного Брежнева будет объявлен национальным вождем, который защищает уже не мировую коммунистическую революцию, а русское государство? Особенно если он перекинет несколько дивизий с Запада на Восток, хотя бы временно, ради пропаганды.

Нам могут возразить: да, тогда, в 1934-1935 гг. было преждевременно говорить о перерождении советского правительства в русское. Но ведь времена меняются. **Теперь**

это своевременно. На это мы возразим, что тысячи обманутых эмигрантов, — ведь подавляющее большинство младороссов были искренними патриотами, обманутыми Казем Бекем и другими несколькими советскими агентами, — верили, что именно тогда такие утверждения были своевременными. Теперь оглядываясь назад, ума не приложишь, как могли они в это верить. Но они верили. Так и теперь. Может быть, через 20-30 лет наши потомки ума не приложат, как некоторые эмигранты могли теперь верить в нарастание истинной русскости в современном коммунистическом аппарате Сов. Союза. Мы же не верим в это уже теперь. И **очень серьезно** предупреждаем эмиграцию против такого легковерия!

Но в той же статье С. Оболенского есть и более настораживающее место: «Ценой неопикуемых страданий наш народ не только изжил лжеучение марксизма-ленинизма, от которого в России остались почти уже только по инерции держащиеся формы...» (стр. 230). Как понимать эту фразу? Изжил марксизм-ленинизм большинство народа? Мы согласны, что многие изжили, и даже уже давно. Но у них, у этих **подсоветских**, не советских, людей не осталось и никаких «по инерции держащихся марксистских форм. Марксистскими остаются партия и государство. Так что же, у них только по инерции держащаяся форма? Что же, и они уже изжили марксизм-ленинизм? Может быть, недалеко время, когда один из вождей коммунистического СССР «переродится» в вождя России? И разве не писали опять-таки младороссы уже давно об «изживании коммунизма»?

Фраза эта в статье С. Оболенского загадочна и заставляет насторожиться. Мы будем и дальше внимательно следить за ходом развития, но предупреждаем еще и еще раз от всяких скороспелых иллюзий, которые могут быть **очень опасными**.

В. ИНГУЛ

“СПРАВЕДЛИВОСТЬ И МИР”

Под таким заглавием в «Посеве» за июль месяц с. г. была напечатана статья Ю. Блинова. Все в ней заставляет читателя скорбно задуматься над старым послеоктябрьским вопросом, обычным в необычных условиях жизни в стране трудящихся: куда мы идем, куда заворачиваем? К сожалению, этот вопрос приходится ставить нам и в эмиграции.

В самом деле, как может, хотя в порядке дискуссии журнал, считающий себя антикоммунистическим, помещать статьи такого рода (в нем же — другая, не менее спорная статья В. Викторова «Не бойкот, а углубление связей», иными словами — Да здравствует детант!)? В чем суть статьи Ю. Блинова? Как рассказывает ее автор, в

следующем: большевизм следует рассматривать с двух позиций, с двух точек зрения, субъективной и объективной. Читаем: «Будучи лживыми субъективно, миротворческие усилия Кремля могут объективно служить делу примирения людей» — и это после Кубы, Анголы, Адена и др. Далее: «многие социальные программы Ленина-Сталина объективно были пусть обезьяними, но все же преобразованиями, настоящими переменами в жизни российского общества (индустриализация... внешняя дисциплина... обострение измерения будущего. — В. И.) В этих программах наметочно высвечивалось Божие, предвосхищалось воплощение людской солидарности». Блинов называет налаживаемую в послеоктябрьскую разруху каторжным трудом людей индустриализацию — преобразованием; а то, что дооктябрьская индустриализация страны шла гигантскими шагами вперед и обещала быть более грандиозной и гуманной, чем блиновская, он не хочет знать. Также называть полицейский деспотический режим «внешней дисциплиной» неким преобразованием, может только человек лишенный всяких нравственных устоев и уважения человеческой личности. В другом месте Блинов пишет о «близости социальной программы большевизма и первоначального христианства... В промышленном плане большевики призваны собственно стать людьми...» (значит, до сих пор они — нелюди? — В. И.). Что это — бред параноика или новые «Записки сумасшедшего»? Что это — ударный фейерверк в честь 60-й годовщины безбожной, бесчеловечной власти или разворачивание нового, психологического Треста?

Цитировать всю бессмыслицу блиновских намеков, утверждений, надежд просто бессмысленно; нужно всю статью приводить, для этого места не хватит. Но самый конец статьи надо упомянуть. Блинов пишет: «Так называемая разрядка вовсе не дьявольский план. Это бессознательное (!? — В.И.) начало пути к миру. И это начало нужно приветствовать. Мир и правда неотделимы друг от друга» В том то и беда, г-н Блинов, что в мире установилось две правды и два мира — одни советского духа, другие — общечеловеческие; последние, к сожалению, не поддаются осмыслению сугубосознательным Блиновым.

Опровергать весь этот инспирированный КГБ бред, значит ломиться в открытую дверь. Но особенно возмущает ложь Блинова о «близости социальных программ большевизма и первоначального христианства». Эта кощунственная ложь — вершина амо-

ральности, если не просто глупость. Что общего у заповедей Христа с марксистской идеологией насилия и презрения к человеческой личности. Чудовишно также утверждение, что «в промыслительном плане» нелюди «призваны стать людьми».

Но откуда этот бред? Что является предпосылкой к нему? Цитируем: «...ясно, что по мере улучшения политического климата в Европе и улучшения материальных условий жизни в СССР — кремлевские владыки более склонны идти на уступки в деле гуманизации, очеловечения жизни в их владениях... Западу сейчас не остается ничего другого, как пойти на последовательное примирение с коммунистическими режимами через политические, дипломатические, экономические, культурные... контакты».

Выходит по Блинову, что политический климат в Европе (заметьте это ехидное «в Европе», остальной мир, в частности США, его не интересует — пока) — улучшается — с наведенными на Европу ракетными установками — вероятно, и стоящими наготове десятками дивизий. От страха перед ними сердца западников могут, конечно, и смягчиться, особенно — у торгашеской части их, готовой ко всяким «улучшениям», даже таким мифическим как Хельсинкские соглашения. Ну, а насчет очеловечения жизни в их, коммунистических сатрапов, владениях? Мы видим и знаем, что в действительности это не так, все наоборот, об этом свидетельствуют безжалостные приговоры московских судов, постоянно посылающих пополнения Архипелагу ГУЛага. И это закономерно: человеку, бегающему с авоськой целыми днями за килограммом картошки, не полезет в голову политика. Ну, а наполнив желудок, при «улучшении материальных условий жизни», человек неизбежно получает какой-то отрезок свободного времени дня... для дум и размышлений, что может повести к протестам, бунту; явная опасность для режима, следовательно, надо пресечь бунт сразу и беспощадно, что мы и наблюдаем сейчас. Это — по формуле тоталитарного государства: голод — спокойствие (для режима), сытость — бунт.

Но в заключение Блинов уже пророчествует: «Не будем забывать, что нет другой разумной альтернативы, кроме нравственного противостояния сатанинской системе... в любом случае большевизм упразднить внешней силой невозможно (а внутренней? — В. И.), ибо в случае внешнего поражения его волчцы и тернии вновь произрастут повсюду там, где не подрублены внутренние силы сатанизма». Прямо — в библейском духе!

И в этом сатанинском режиме Блинов усматривает «близость к воззрениям первоначального христианства». Дичь и только!

Некоторые обобщения к появлению этой диковинной писанины на страницах «Посева»: если в нем разделяется точка зрения Блинова, то тут мы имеем дело с политической загадкой, решение которой может быть, будет дано в будущем. Ясно только одно: наступление большевизма на свободный мир принимает новые формы, варьируя от старых русско-монархических провокаций до евангелически-солидаристских в настоящем. Может быть, большевики сегодня и вправду грезят формулой Константина Великого «Сим победиши?» Только времена не те: Константин Великий не был иппокритом и порыв его был великим и искренним, а какую же искренность можно открыть в насквозь лживом коммунизме-большевизме? Если Блинов думает, что открыл ее — слава большевистскому Колумбу!

Послесловие Редакции: В № 8 «Посева» его главный редактор поместил статью «Наше общество должно стать открытым», квинтэссенция которой заключается в том, что бойкотировать коммунистические режимы не нужно, что нужно иметь побольше контактов, туристы должны ездить в Сов. Союз (и оставлять там столь нужную советчикам валюту). Тогда коммунисты расчувствуются, превратят свое закрытое общество в открытое, и советский режим тихо и мирно самоликвидируется.

Видимо, мы снова вступили в пору младоросских легенд об эволюции советского режима. Они преподносятся нам различными группами и под разными соусами, но ядро их одно и то же. Опасность этих легенд поймет каждый, кто еще не дал себя ими ослепить.

В. Пирожкова.

ОТ РЕДАКЦИИ :

Известный польский писатель Иосиф Мацкевич указывает на то, что и в эмиграции «инакомыслящим», то-есть тем, кто не вполне, или даже совсем не разделяет общие настроения и чаяния соответствующей эмиграции, приходится нелегко. Им и в эмигрантской прессе трудно выразить свое мнение: многие эмигрантские органы печати таких статей не принимают. Поэтому мы печатаем охотно статью И. Мацкевича с общим направлением которой мы согласны, хотя мы и не всегда соглашались с отдельными ее высказываниями. Мы ставим эту статью на дискуссию.

ИОСИФ МАЦКЕВИЧ

НА ПУТИ ВЕЛИКОГО СОСКАЛЬЗЫВАНИЯ *)

К ЧИТАТЕЛЯМ

То, что я тут пытаюсь изложить, касается моих наблюдений, сравнивающих сопоставлений, а также явлений, взаимно связанных в некоторое целое определенного положения дел. Мои наблюдения отличаются от тех, которые обсуждаются нынче в мировой прессе, включая русскую и польскую эмигрантскую. Тем не менее я пытаюсь их изложить, взывая к терпимости по отношению к «инакомыслящим».

КОГДА - ТО...

Я имею в виду годы, по сравнению с историей, недалекие. Их помнят многие из еще живущих людей. Сразу же после пос-

ледней войны говорилось обыкновенно, что «мы в Польше сменили коричневую оккупацию на красную». Из подобных разговоров следовало совсем естественно, что отношение к коммунистической действительности не будет иным, чем к гитлеровскому нашествию. Случилось иначе.

Помню, как когда-то, приблизительно в 1949 году, сказал мне Грыдзевский: «Я не думал, что это так скоро произойдет»...

Я тоже не думал, хотя я всегда был одинок в оценке этих двух оккупаций, сравнивая их между собой. На основании личного опыта в Литве в 1940-41 годах я утверждал, что вторая, красная, оккупация хуже первой, коричневой. Я даже употребил крепкое слово, говоря, что «немцы из нас сделали героев, а большевики — т...»

Главным усилием нового оккупанта было устранение эмоционального восприятия

*) «Вядомости», ноябрь 1977 год, Лондон, перевод с польского Валентина Яра. Прим. ред.

«оккупации». И это соответственно ленинской тактике приспособления к «объективным условиям». Поэтому Пясецкого не повесили, а предложили ему взамен петли организовать первую национально-католическую легальную «оппозицию», названную «ПАКС». Или, как теперь говорят, граждан «инакомыслящих», но не стреляющих, лояльных не по отношению к «оккупанту», но по отношению к (польскому) «государству». Таким образом возник в свое время ПАКС. То, что мы знаем, во что он переродился, а именно в коммунистическую агентуру, еще не значит, что это не был тогда первый важный шаг на пути «политического реализма». Он действительно им был.

В польской эмиграции ответили лозунгом: «Мы не белая эмиграция!...» Но антисоветская, или, скорее, «антирусская». Каковая позиция сохраняется декларативно по сей день. Но если ближе присмотреться, то эта эмиграция, кажется, эволюционирует и превращается постепенно в «оппозиционную», скорее даже во внутренне-«ревизионистскую» по отношению к господствующему коммунизму, в «титовскую», одним словом, в национально-социалистическую. В ином сопоставлении она становится не столько «маоистской», по отношению к Москве, (за недостатком независимой территории), сколько — если подыщем историческую аналогию — «антисталинистской» тридцатых годов в России. Это, конечно, идеологически неточно, но, скажем, в «дубчековскую весну»... Как она уже была в 1956 г. «гоммулковско-октябрьской»... В конце концов, дело не в нахождении этикетки. Дело в политической позиции, не стремящейся к свержению коммунизма, а только к тому, чтобы придать ему «человеческое лицо» и восстановить «права человека», но не во внесоциалистическом смысле, а в смысле прав, гарантированных «конституцией» коммунистического строя.

Как же мы дошли до существующего положения?

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Начну с «домашних» дел. На польском языке существует более меткое определение понятия «гражданская война», чем на других языках, а именно: «домашняя война». Это определение в особенности подходит к войне, вызванной революционным кипением, так как линия фронта проходит тогда часто сквозь родной дом. Самые близкие друг другу люди оказываются вдруг на разных сторонах баррикады. В Польше после слабых, никем не поддержанных попыток, после нескольких смертных приговоров

(например, над полковником Шендзелем, полк. Вацлавом Липинским, Адамом Добошинским и некоторыми другими) — до открытия гражданской войны не дошло.

Приблизительно в 1949 году мой родной брат, Станислав Мацкевич, выразился в Лондоне следующим образом: «...Сталин, который спас Россию...» Я пытался было в «Вядомостях» возразить, что если мы будем так отождествлять Совдепию с Россией, то в один прекрасный день кто-нибудь напечатает: «Бирут отстроил Польшу»... Но Грыдзевский не пропустил этих слов, считая, вероятно, что они оскорбляли чувства тогдашнего «национального инстинкта».

Но в мае 1977 года можно было прочесть в польской парижской «Культуре» в воспоминаниях Георгия Кржижановского об его отце, известном профессоре Юлиане Кржижановском, который о Бируте сказал: «Он отстроил Варшаву и тем самым сделал больше, чем мы можем теперь это оценить».

Станислав Мацкевич стал премьер-министром легитимистского польского правительства в Лондоне, бывшего противоположностью коммунистического «польского правительства» в Варшаве. А в июне 1956 года он уехал в Варшаву и признал легитимным тамошнее правительство. Казалось бы, трудно себе представить более яркий формальный жест перехода на другую сторону баррикады. Но спустя несколько лет Станислав Мацкевич стал уже числиться эмиграцией к разряду лучших, положительных личностей в стране, потому что он, совместно с другими, подписал первое прошение, адресованное коммунистическим властям, а именно знаменитое «Письмо Тридцати Четырех».

Это, — несколько страничек, вырванных из семейной хроники. С тех пор непомерно возросло число петиций и «писем» (подписанных даже эмигрантами), как например, знаменитое «Письмо 59-ти» против поправок в коммунистической конституции, направленных коммунистическим властям.

Тем временем наступает новый исторический период. «Пусть будет везде война»... лишь бы коммунистическая власть была спокойна, что никто не собирается свергнуть ее силой. Какая бы то ни была гражданская война снята с повестки дня. Если бы кто-нибудь настаивал на том, что коммунизм — независимо от того, в какой стране он захватил власть — может быть низвержен только силой, его бы вынесли за скобки и выбросили бы в мусорную яму нового исторического периода. Того периода, в котором мировую карьеру делает Алек-

сандр Солженицын, предпославши свое «Письмо вождям Советского Союза», в котором предлагает им сохранение режима взамен за некоторые реформы и «права человека». В то же время он обращается к своим и чужим с призывом: ни войны, ни контрреволюции, ни революции! «Ни ножом, ни мечом, ни винтовкой!»

Впрочем счет-то, кажется, прост: к чему проливать кровь, если вполне достаточно подавать коммунистическим властям прошения, просьбы и воззвания, взывать к раскудку, приличествующему их человеческому облику.

« А У Ш Р А »

Итак мы подходим к теперешнему состоянию соскальзывания. Его символической иллюстрацией я назвал бы передачу американского радио, «Свободная Европа», транслированную вечером 16 марта 1977 года. Речь в ней шла о «группе католиков» в Литве, собравшихся вокруг новопоявившегося самиздата «Аушра». Несколько вступительных замечаний: Название самиздата «Аушра» (по-русски: «заря», «утренняя звезда») заимствовано от первого вообще периодического печатного органа литовского возрождения, основанного доктором Бассановичем (Ионас Басановичус) в 1883 г. в Пруссии. Бассанович вошел в историю, как «отец литовского возрождения»; в 1905 году он был председателем «Литовского съезда» (т. н. «Великого сейма»); в 1907 году основал Литовское научное общество; в 1918 году подписал акт провозглашения Литвы независимым государством.

И вот, считающая себя продолжательницей таких традиций «возрожденческого движения» современная католическая группа, перечисляя в своем самиздате примеры дискриминации католиков в советской Литве, обращается к западному миру за помощью. Как указывает вышеупомянутая американская передача (на польском языке), «Аушра» обратилась с письменной просьбой о посредничестве и о моральной поддержке к... К кому же? К Ватикану? К министру Лозарайтису в Риме, формальному заместителю последнего президента независимой Литвы? К правительствам Западных держав? К Генеральному секретарю ООН? Нет! Она обратилась к лидеру коммунистической партии Франции Маршэ, к лидеру коммунистической партии Италии Берлингуэру, к лидеру коммунистической партии Испании Карильо.

Предлагаю читателям закрыть глаза на мгновение, мысленно перенестись в очень недавнее прошлое и представить себе такое

положение, когда преследуемые в Сов. Союзе набожные католики избрали бы своим единственным защитником и покровителем в свободном мире лидеров коммунистических партий! Нет, ни двадцать, ни даже несколько лет тому назад нельзя было вообразить себе такой ситуации. Сегодня же это, казалось бы, фантастическое положение вещей становится предметом пропаганды американского радио на «ту», коммунистическую сторону.

Почти что хочется воскликнуть: Что это за гениальная ревальвация коммунистической пропаганды! И кто это в окруженной, как колючей проволокой, цензурой советской Литве подсунил «католикам» эту мысль? Кто дал им адреса? Кто устроил возможность пронести через границу письма и доставить их получателям-коммунистам за границей? Тут заработал какой-то удивительный механизм. Потому я и выбрал этот сам по себе незначительный случай показательным примером соскальзывания с антикоммунистической позиции на плоскость популяризации коммунизма, при сохранении в то же время «оппозиционного» внешнего вида.

КТО ЭТО ДЕЛАЕТ?

Вот это-то и есть тайна, которую блюдут составители плана вместе с исполнителями, попутчиками и множеством людей самой доброй воли за границей и в эмиграциях, т. е. очень многие, сильно заинтересованные в ее сохранении.

Существует гипотеза, что это парадокс коммунистического мозгового треста, у которого появилась оригинальная идея: если вопреки всей просоветской работе до сих пор весь мир все еще не стал коммунистическим, то давайте попробуем с другого конца! Вроде как бы следуя учению Ленина о тактике, по которому засчитывается только успех... Мнимый парадокс должен исходить из предпосылки, что за 60 лет в мире накопилось уж слишком много нехороших сведений о так называемой советской действительности, которых никак нельзя согласовать с обещаниями создать лучезарное коммунистическое будущее. Итак в новом виде, вывернутом немного наизнанку, это должно выглядеть следующим образом: коммунизм, как был, так и остался хорошей вещью, но мы признаем, что часто его проведение в жизнь было плохим; в особенности же его «опыт» в России, неудавшийся по причинам от коммунизма не зависящим. Не коммунизм в этом виноват, а «сталинизм» и примененная им «типично русская» традиция, берущая свое начало из классической

опричины Ивана Грозного. Надо поэтому выросший на русской почве «советизм» реформировать, поправить, удалить недостатки — (именно к этому стремится «демократическая» оппозиция разных мастей в Советском блоке), — вернуть «права человека» и т. д.; и тогда уж ничто не станет поперек пути человечества к лучезарному будущему коммунизма. Задумано ли что-либо подобное действительно — на это нет доказательств, но что таков ход мыслей не только самих коммунистов, но и широких масс симпатизирующих «прогрессистов», тому доказательства искать не надо: их можно встретить на каждом перекрестке в Европе. Тем более, что «еврокоммунисты» явно придают большое значение своей политической честности и демократическому «плюрализму».

МНОГООБРАЗНЫЙ РЕПЕРТУАР «ЛЕГЕНД»

Устраиваемые раньше советами провокации разыгрывались при помощи одного и того же «антисоветского» трюка. Самая знаменитая была провокация ГПУ в 20-х годах, известная под названием «Трест»: это была якобы тайная монархическая организация, действовавшая в России против большевиков, которой в действительности руководили агенты ГПУ. Подробности этой аферы очень хорошо известны и многократно описаны. (Между прочим Мельгуновым, Рышардом Врагой, Н. Виноградовым, а в последнее время в замечательной книге С. Л. Войцеховского). В действительности же советы создали не один, а много «трестов» под разными «криптонимами», которые они на техническом языке прозвали «легендами», применяясь к заграничной среде, в которой они должны были действовать. Была организация «Младороссов», «Евразийцев», «Братства Русской Правды» и много других. Со временем они переключились на проникновение в левые круги. Наиболее известной была «легенда» под криптонимом «Синдикат», которая проникла в организацию социал-революционеров Бориса Савинкова. Савинков настолько доверился мнимому делегату с родины Мухину, якобы представлявшему «либеральных демократов» в России, что даже передал ему тайные адреса своих людей. «Мухин» оказался в действительности чекистом А. П. Федоровым. Много сотен людей погибло. В конце концов, и самого Савинкова заманили в Сов. Союз, где он тоже погиб. Дело было очень показательным, потому что именно Савинков принадлежал к наилучшим «специалистам» в области выявления провокаций. А все же и он попался на удочку.

Громкой была также афера Беседовско-

го, советского дипломата во Франции. В сентябре 1929 года он прыгает через стену советского посольства в Париже и в разорванном костюме просит французскую полицию дать ему право политического убежища. Мировая сенсация! В начале 30-х годов он издает журнал «Борьба», потом нашу-мевшую книгу «На путях к Термидору», принятую западной печатью и общественным мнением за ценный источник информации о Советском Союзе. В действительности это был источник дезинформаций, препарированных ГПУ.

Все эти «легенды», руководимые из Москвы, не были однородны. Совсем наоборот, они выказывают «плюрализм» взглядов, ведут между собой споры и полемику для явщей убедительности в их мнимой спонтанности. Однако их объединяет одна как бы вышестоящая идея и цель: отвод Запада и эмиграции от применения силы в борьбе с коммунизмом и Советским Союзом. Ни войны, ни революции, ни контрреволюции, ни террора. Причем аргументы тоже не были однородны. Грубо говоря, они были двоякого рода: во-первых, коммунизм в сущности закончен, он состарился и одряхлел. Внутренняя эволюция движется вперед быстрыми темпами. Так зачем же бороться с коммунизмом, если он и сам падет, зато употребление силы может вызвать динамическое возрождение «воинственного коммунизма и уничтожение «эволюционного» процесса в стране. Или во-вторых, советская мощь так велика, что силой ее свергнуть невозможно. Тем более, что борьбу ведет Запад, который «гнил» и слаб и потому потерпит поражение. Поэтому надо делать ставку на время, на действие идейно-моральными средствами, но никогда не на вооруженную силу.

Вышесказанное изложено в сильном сокращении. Кроме того, в зависимости от надобности, обстоятельств и среды, пускались вход как бы сказать, «вспомогательные» дезинформации, как например: нет никакого коммунизма, он изжил себя, осталась та же Россия, которая пользуется коммунизмом единственно для своих империалистических целей. Потому борьба с коммунизмом как таковым, беспредметна. Подобного рода оптимистическая минимализация нависшей над миром коммунистической угрозы соответствовала (и соответствует!) настроениям правительств западных государств, не склонных ко всякого рода идейным «крестовым походам». Этот оптимизм поддерживается к тому же и «антирусским» национализмом поработанных народов и их традиционной целью: борьбой не с коммунизмом, а с «руссификацией».

ДИССИДЕНТЫ

Как указывает уже само название, это люди не независимого политического происхождения, а «отщепенцы» от коммунистического ствола, на котором они выросли. Английское слово «Dissenters» определяет их как неконформистов, раскольников. Этим общим названием охватывались некогда все не принадлежащие к Англиканской церкви, например, пресвитерианцы, методисты и пр. По-латыни под названием «Dissidentes de religione» обозначались люди, бывшие разного мнения в делах веры, но не противники самой веры. Вот они-то должны вести нас теперь по намеченному пути. Это новое общественное настроение появилось в виде, явно приспособленном к «объективным условиям» послевоенного периода. По времени оно приблизительно совпадает с высылкой Солженицына из Москвы на Запад. Своего апогея оно достигло в сближении, а частично и в слиянии в совместный фронт с «еврокоммунизмом». Глобальное распространение и характер «диссидентского движения» уже иного порядка, чем прежнего «Треста» с его «легендами». Конечно, как тогда, так и теперь его ряды заполняют и люди доброй веры. Остались, однако, общи с «Трестом» главные вехи. В первую голову требование: ни в коем случае и ни под каким видом не употреблять силы по отношению к Советскому Союзу, или иначе говоря, «борьбу» (исключительно идейную) свести в принципе до — отказа от действительной борьбы.

Действительно, никто — ни на Западе ни в границах коммунистического блока — не хочет бороться с Советским Союзом. Но только «диссидентское» движение, а в особенности его пророк Солженицын с высот достигнутой им мировой славы, придал этому всеобщему «нежеланию» философскую форму и охватил его рамками идейно-политической программы и морального обоснования. Понятно, что если бы это пытался сделать какой-нибудь просоветский мыслитель, то подобного рода миссия не имела бы ни значения, ни успеха.

Свободный мир облегченно вздохнул, когда миновала опасность столкновения. Издаваемый оставшимся явным последователем коммунизма Роем Медведевым «XX век» пишет следующее: «Ни в Советском Союзе, ни в эмиграции нет ни одного русско-советского диссидента, который бы открыто проповедовал революцию с целью низвержения теперешнего советского руководства». Когда зимой 1977 года, после взрыва бомбы в московском метро, был пущен слух, что это могло быть делом рук диссидентов,

то «22 представителя 9 диссидентских групп» направили в мировую прессу открытое письмо (и как им удалось это сделать?!...), в котором говорилось, что «диссиденты с возмущением и отвращением осуждают и отвергают каждое проявление террора!».

Диссидентская литература тоже многосложна. Так например тот же Рой Медведев пишет: «В России было три великих пророка: Толстой, Ленин и Солженицын». Затем он переходит к критике некоторых высказываний последнего. Роли разделены. Амальрик и плеяда «левых» (Белоцерковский, Плющ, Левитин-Краснов и т. д. и т. д.) высказываются в печатном органе «СССР — демократические альтернативы» за разделение России, только, конечно, не вооруженной силой.

Мы уже задавали вопрос: «Кто это делает?» Указать пальцем трудно. Раздавались отдельные голоса, что это дело рук КГБ, другие указывали на Си-Ай-Эй, но по моему, это наивное упрощение явлений. Делается это (употребляя глагол в безличной форме) на гораздо более высокой ступени. Следует при этом повторить, что, как в каждом действии мирового масштаба, только незначительный процент причастных к этому делу лиц сознательно исполняют свои функции. Остальные представляют собой массу, состоящую из длинного ряда попутчиков, сочувствующих, людей доброй воли и искренне верящих в правильность дела.

Ядро этой массы представляют собой во всем мире люди так называемой «марксистской формации», по крайней мере социалистической, которые в большой степени взяли в свои руки духовное руководство общественным мнением. Случилось только раз, что одна из серьезнейших западно-европейских газет ультра-демократического направления, впрочем симпатизирующая диссидентам, «Франкфуртер Альгемейне Цейтунг», поместила робкую статью, в которой говорилось, что должно же, по всей вероятности, существовать какое-то соглашение между Москвой и ее диссидентами. Это замечание было обойдено молчанием, как и всякое другое, которое каким бы то ни было образом осмелилось подвергнуть сомнению спонтанность диссидентского движения. В этом отношении соблюдаемая в свободной все-таки печати свободного мира дисциплина достойна удивления. Солженицын и Сахаров пользуются, вероятно, не меньшим добровольным «культом личности», чем Сталин пользовался вынужденным. Если кто-нибудь выскажет противное мнение или даже сомнение, тот исключается из числа людей, имеющих право поднимать голос. Это напоминает не-

много неписанные права, введенные непосредственно после последней войны, когда считался не голос человека, а голос «антифашиста». Сегодня голос антикоммуниста ни в коем случае не считается, считается только голос диссидента.

При настроениях нынешнего соскальзывания практически нельзя обсуждать даже бросающиеся в глаза вещи. Так например, уже несколько десятков лет, как вошло в обиход, что пользующиеся на Западе хорошей репутацией периодические издания, издательства, книготорговли стали — даже в период холодной войны — считать произведения антикоммунистического содержания своего рода литературной халтурой. И вдруг каждое произведение, написанное Сахаровым и Солженицыным в «защиту прав человека», автоматически появляется в витринах книжных магазинов всех языков мира. Причем характерно, что например, «Архипелаг ГУЛаг» не содержит буквально ни одной информации, которая не была бы уже известна. Это все было уже описано — подчас гораздо более талантливо — в сотнях книг и в сотнях тысяч статей. Тем не менее издатели вырывают друг у друга права издания книг Солженицына и ведут о них судебные процессы. Как же это случилось и как в период наибольшего после 1945 года успеха «детанта»? Может быть, это объясняется внезапным бунтом читательских масс?... Ничего подобного: книги других авторов с аналогичной тематикой и впредь не могут рассчитывать на распространение, поскольку не носят на себе «диссидентского» клейма.

Этот дисциплинированный отказ от критического восприятия явлений доходит до гротеска. Трудно перечислить тут все заграничные телефонные разговоры и жесты, ведшиеся и проделанные «защитником прав человека» профессором Сахаровым, живущим в Москве. Многие из этого могло быть воспринято и в «нормальном» государстве как противогосударственная деятельность (как например, телеграмма персидскому шаху с просьбой не выдавать бежавшего на самолете советского летчика!). Перед всем миром он разоблачает якобы всемогущий КГБ, и даже бьет по лицу майора КГБ на каком-то процессе(!), и волос не падает с его головы. Наоборот, ему дают казенный автомобиль для получения в американском посольстве послания президента Картера. Он явно находится вне сферы досягаемости политических органов. Тем не менее весь мир (и мы тоже) загипнотизирован какой-то фантазией, над которой — если бы нам ее рассказали несколько лет тому назад — мы

очень смеялись, и еще больше смеялись бы над наивностью того, кто бы мог поверить реальной возможности такой фантазии. Все это противоречит здравому рассудку, если помнить о всем том, что мы знаем о советских методах и советском строе, начиная с 1917 года по 1977 год. Теперь же об этом молчат. В крайнем случае передают иногда быстро, быстро, стесняясь немного, известия о подвигах Сахарова, когда нас уж слишком заметно вводят в мир сюрреалистической сказки.

Кто-то, как видно, очень заинтересован в принудительности этой рекламы. (Сахаров, конечно, подвергается «репрессиям». Иногда получает «предупреждение» от прокурора, иногда ему угрожают избитой шуткой отказа в прописке в Москве, что не менее гротесково). Конечно, струны в Москве не перетягивают. А когда, например, иранский шах летчика, в конце концов, выдал, то никакой Сахаров, никакая Эмнести Интернэйшл, никакое общественное мнение не заинтересовались мелочью: пытали ли этого летчика, расстреляли, повесили ли или обрели на сгнивание в лагере. Важно то, что самый выдающийся защитник прав человека имеет свою резиденцию именно в Москве.

АНТИКОММУНИЗМУ КОНЕЦ

Коммунизм — самый «бесчеловечный» строй в истории. Люди доброй воли хотят превратить его в «коммунизм с человеческим лицом». Эти ходкие определения вводят в заблуждение, потому что принимается предпосылка, что: «человеческий» синоним «хорошего». В действительности человек может быть так же добрым, как и злым, что мы знаем из жизни и из истории. Таким образом, «коммунизм с человеческим лицом» в сущности то, что он есть теперь, а именно практика ложной теории, введенная людьми в повседневную жизнь. Однако для упрощения останемся пока при слове «бесчеловечный», как отрицательном понятии. Бесчеловечность коммунизма проявилась везде, где только он пришел к власти, на всех материках и с тем же самым «лицом», лишая людей свободы воли, свободы действия и передвижения. Итак, он представляет собой зло суверенное, лишаящее людей идеалов, к которым они стремились в своем духовном развитии. Практика во всех частях света показала, что «хорошего» коммунизма быть не может. Отсюда следует, что все люди доброй воли в мире должны быть, как бы в высшем плане, антикоммунистами, потому что в нынешнее время истинной защитой прав человека в целом мире должен быть прежде всего антикоммунизм. Значит,

надо указывать не на преходящее зло, а на постоянное; не на зло выполнения, а на зло основное. Но, увы, миром управляет не добрая воля, а конгломерат человеческих слабостей, называемых — со вздохом — жизнью...

И в этой-то жизни коммунизм, пользуясь действенным оружием дезинформации, старается сегодня придать особое значение уже упомянутой легенде, что не он сам по себе плох (наоборот, он хорош), а плохим может быть — по разным побочным причинам — только его проведение в жизнь. В чем же, однако, дело? Ведь дело не в «измах», а в человеке! Следовательно в «правах человека» во всем мире. Разве этот человеческий лозунг не прекрасен, так же, как прекрасен человеческий лозунг «Мир во всем мире»? Лозунг выдвинутый сегодня на первое место именно коммунистами.

Итак, трюк с «правами человека» состоит в том, чтобы под этим лозунгом отвлечь внимание от вышестоящего зла (т. е. самого коммунизма и растворить его в бесконечном множестве отдельных несправедливостей, переносимых людьми во всем мире, независимо от режима. Значит, речь идет о правах человека тоже в коммунизме, а не об устранении коммунизма как такового. В другом контексте мы могли бы это сравнить со стремлением улучшить быт заключенных в тюрьмах, вместо ликвидации самой тюрьмы. В конце концов, Картер и другие господа открыто подчеркивают, что «борьба за права человека совсем не обозначает враждебности по отношению к государственному строю», т. е. они а priori соглашаются с ним.

Конечно, Советский Союз преисполнен возмущения и обвинение его в «нарушении

прав человека» называет клеветой. Он возмущается подобным же образом, как в том случае, если его обвиняют в поджигании войны в каком-нибудь уголке мира.

Все же это не изменяет сути дела, что таким образом всякий антикоммунизм в мире снимается с порядка дня. **Всякий**, так как нельзя ведь придерживаться антикоммунистических лозунгов и в то же время поддерживать «коммунизм с человеческим лицом». Поддерживаемый Вашингтоном, социалистами всех мастей, королем Испании, «диссидентами», итальянцем Андреотти, немцем Брандтом, «еврокоммунизм» шагает вместе с другими «защитниками человека» в одном ряду, неся транспарант: «Права человека во всем мире»! Антикоммунизм никогда еще не был так основательно выхолощен, как теперь. А людей доброй воли призывают отказать от «устарелых предубеждений» и дешевых лозунгов «и включиться в общий фронт с хорошим коммунизмом».

Вырисовывается несколько парадоксальное положение: кто хочет бороться с советским («русским») коммунизмом, пусть в Азии присоединится к китайской коммунистической партии, а в Европе к испанской, итальянской или французской. Хочет ли Картер превратить Европу во второе издание Китая, этого «неофициального союзника НАТО»? Некоторые так говорят...

Но от шуточных предсказываний вернемся лучше к наблюдению явлений, происходящих в области «диссидентских движений» по одинаковому образцу, общему для всех стран советского блока. Примером тому является сегодняшняя «оппозиция» в коммунистической Народной Польше.

(Окончание следует).

Н. ОНУФРИЕВ

“ТРЕТЬЯ” В ПРЕТЕНЗИИ

Защищать себя, как известно, свойственно каждому. Мало кто говорит о себе хуже, чем о другом. Но есть объективные признаки, которые нельзя скрыть самопохвалой.

Неудивительно, что в политическом диалоге, ведущемся между эмиграциями, каждый представитель своей эмиграции стремится представить ее политическое лицо в лучшем свете. По этому принципу написана статья Е. Туровского «В защиту третьей», НРС, 10 авг. с. г.

Бесспорно — Туровский профессиональный журналист, умеющий на все возразить. Но как ни переворачивать истину, она все же выйдет наружу.

Не имея убедительных данных, чтобы представить третью эмиграцию политической, автор статьи употребил все усилия на то, чтобы умалить политическое значение второй эмиграции, уравнивать ее с третьей.

Оставляя право за первой называться политически идейной, он этого права за второй не признает. Поэтому позволим себе в

этой статье опровергнуть это мнение и указать на ряд различий между второй и третьей, не позволяющих отождествлять эти две эмиграции, а тем более отдавать преимущество третьей.

Оправдывая политическую индифферентность третьей тем, что ее политическая активность может вызвать репрессии со стороны советов по отношению к оставшимся родственникам, автор в то же время не признает значения такого же соображения для второй и требует от нее какой-то особенной политической деятельности, не указывая конкретно, какой именно он ее в наших условиях представляет. Отмахивается он и от того, что вся 30-летняя история второй не идет ни в какое сравнение с третьей. Ведь после Ялтинского соглашения началась совместная охота советчиков и союзников за второй эмиграцией, и эти люди были похожи на затравленных зайцев, спасавшихся от выдачи.

Автор не отрицает антикоммунистического настроения второй, но тут же спешит сообщить, что то же самое можно сказать об абсолютном большинстве граждан СССР. Совершенно верно, поскольку дело идет о большинстве. Но ведь есть и товарищи с партийными билетами, в число которой входит большая часть интеллигенции (особенно после второй мировой войны), занимающая привилегированное положение в стране. И из этой интеллигенции состоит преимущественно третья эмиграция. Представителей же основной части населения, рабочих, колхозников, мелких служащих, среди нее почти нет.

Не находит Туровский никаких признаков политической деятельности и у власовцев. Признавая с натяжкой самого генерала Власова политическим деятелем, он солдатам и офицерам отказывает в политической деятельности. Он пишет так, как будто бы это была армия мобилизованных какого-то стабилизированного государства, а не армия, состоявшая из добровольцев, которые вступали в нее по убеждению, стремясь освободить свою родину от коммунистического террора. Власовское движение имеет неизмеримо большее значение, чем представляет себе Туровский. Уже сам факт необычного его появления на территории, оккупированной врагом, является выражением отчаянной непримиримости к существующему режиму. Появление его служило предупреждением, что над всем человечеством нависла черная ночь. Но его не поняли и... распяли. Это ли не жертвенная политическая деятельность?

Понять трагедию Лиенца-Платлинга —

значит понять трагедию России или даже всего мира. И не видеть в этой страшной расплате за идею политической деятельности — это значит оскорблять память погибших и чувства еще живущих. С поздним сожалением поняли это уже и в США, и в Англии, извлекают из архива документы, касающиеся этой позорной сделки, пишут книги и обвиняют свои правительства того времени в жестокости в угоду Сталину.

Но Туровский презрительно относится к перенесенным этими людьми страданиям, заявляя, что это — субъективные переживания, которые можно встретить в любой эмиграции. Он, вероятно, не видит разницы между кровавыми «пересадками» Лиенца-Платлинга, а затем маршрут Сибирь-Архипелаг ГУЛаг и между пересадками Вена-Рим, или пересадкой на Нью Йорк вместо Израйля.

В кругах третьей почему-то принято думать, что вторая эмиграция состоит только из власовцев. Это ошибочное мнение. Она состоит из многих ушедших за границу во время второй мировой войны, остовцев, которым удалось избежать насильственной репатриации и которые избрали свободу. Все они бесспорно — политические эмигранты, перенесшие ужасы советских лагерей, тюрем, раскулачивания в период коллективизации. Эти люди покинули родину без всяких удобств, они ринулись в неизвестность, в изгнание, готовы были переносить любые страдания и лишения, чтобы уйти от гнета коммунистической диктатуры и обрести свободу. Все это уже само по себе — явление политическое. Они делали все, что могли по мере сил и способностей как антикоммунисты за эти 30 лет в изгнании. Методическое разъяснение жителям той страны, в которой находились эмигранты, что такое коммунизм, — это, по существу, тоже политическая деятельность.

Когда читаешь статью Туровского, ясно видишь, что все его усилия направлены на то, чтобы изобразить вторую эмиграцию политически неэффективной, возникшей случайно в силу сложившихся обстоятельств. Всю ее тридцатилетнюю историю он старается свести к нулю. Он даже так рассуждает: «Не было бы Власова, не было бы Власовской армии.» Как будто Власов создал миллионы, только и жаждавшие того, чтобы взять оружие в руки и бороться против самого страшного поработителя их родины — коммунистического режима и Сталина!

Туровский ставит в заслугу третьей эмиграции то, что она захватила все ключевые посты на радио «Свобода». Но произошло

ли это в силу знаний и таланта третьих? Или по тому принципу, по которому негр в США пользуется преимуществами перед белым при поступлении в американский университет, даже, если белый способнее? Нельзя отрицать, что есть категории людей, отличающиеся исключительной настойчивостью в достижении цели в любых условиях, будь то в Сов. Союзе, будь то на Западе.

Но результаты этой победы третьей уже сказались, как на самих передачах, которые стали в отличие от прошлых стерилизованными, беззубыми, — так и на взаимоотношениях между сотрудниками: дело дошло не только до склок, но и до судов.

Конечно, нужно оговориться, что все, сказанное не в пользу третьей, не является обобщающим для всей третьей эмиграции в целом. Тем не менее, слияние третьей эмиграции с первой и второй вряд ли произойдет так сравнительно скоро и безболезненно,

но, как произошло слияние первой и второй. Как раз эти две эмиграции, как кажется, снова хочет разделить третья. Она льстит первой и чернит несправедливо вторую. Заметим, так сказать, в скобках, что это направление соответствует полностью официальной советской линии в отношении двух первых эмиграций.

Если нет оснований утверждать, что третья эмиграция запланирована, то все же нельзя и отрицать, что отбор ее производится советскими органами. Не всех, желающих выехать, выпускают. Это не секрет. По каким признакам ведется это селекционирование, мы не знаем, но зато мы хорошо знаем коварство большевиков и то, что без цели они ничего не делают. Брежнев даже пожертвовал своим временем, чтобы по-царски принять Мухамеда Али и использовать его в своих пропагандных целях, неужели они выпускают десятки тысяч людей в свободный мир без всякого учета своих интересов?

Редакция считает, что проблема третьей эмиграции только теперь начинает объективно обсуждаться в эмигрантской прессе. Вначале трудно было отнестись к новой волне, вызвавшему удивление и первоначально восхищение двух первых эмиграций. Теперь же, после того, как разные течения «третьей» начали выявлять все яснее свои разные облики, можно начать и дискуссию о ней. Мы полагаем, что помещаемыми нами статьями обсуждение этой темы не закончится и готовы предоставить страницы нашего журнала для дальнейших материалов на эту тему.

Н. ОТРАДИН

ДЛЯ ОТВОДА ГЛАЗ?

«Письмо в редакцию» диссидента П. М. Болдырева (в «Голосе Зарубежья» № 9, июнь 1978), было воспринято многими из моих знакомых нашей, второй эмиграции, с большим недоумением. Не с негодованием или раздражением, — нет, скорее даже с некоторым юмором, как в отношении любопытного казуса, предпринятого вряд ли с серьезной целью.

И в самом деле: как принять, например, рассуждения автора письма о «докоммунистическом» или «раннекоммунистическом антикоммунизме», — что это за абракадабра? В коммунистической вотчине, именуемой СССР, никакого коммунизма не было и нет. Ленин, правда, с налета, захватив власть, ввел «военный коммунизм», полагая, что после захвата банков, земли и промышленности, с помощью десятка декретов он быстро переведет страну в рай социализма.

Но вскоре вынужден был признать: «мы, товарищи, просчитались, ошиблись» (знаменательно тут «мы»: действуя, как единственный диктатор, брать на одного себя ответственность он не хоел) — и вместо социализма ввел НЭП.

В СССР уже 60 лет существует диктатура компартии, но это созданию коммунистического общества не равно. И диктаторы никогда не говорили, что они к этому обществу уже пришли. В 20-е годы был даже случай, что в «Большевике» (потом — «Коммунист») в одной статье говорилось, что коммунизм наступит лет этак через триста (когда и где расстреляли автора этой статьи, не знаю, но что кончил он именно так, можно не сомневаться: Сталин, став диктатором, такое не прощал).

Только Хрущев, единственный, хвастал, что его дети будут жить при коммунизме,

— так он же «волюнтарист», с него взятки гладки. Ссадившие его преемники подобной ереси не говорят, они бормочут только о «зрелом социализме». Эта их тарабарщина — от злой необходимости как-то обосновать свою власть. Но в эмиграции нужды заниматься подобной тарабарщиной нет. Или все-таки какая-то потребность в этом у «третьих» есть?

Сранная формула — «раннекоммунистический антикоммунизм» — и с точки зрения здравого смысла не объяснима. Автор письма заявил, что они, диссиденты, коммунизм знают досконально, не то, что мы, «ранние», — а в действительности? Многие из третьих, помоложе, только теперь, в эмиграции, узнают, что захват Лениным власти вовсе не произошел так, как изображается в партийных «источниках». Они впервые узнают о протесте в 18-м году питерских рабочих, о том, что тогда же прокатились во многих городах и селах разрозненные восстания, — якобы «рабоче-крестьянская власть», устанавливалась с помощью свирепого террора против и рабочих, и крестьян, а не только против «помещиков и капиталистов». Третьи только теперь об этом узнают, — а многие из нас сами участвовали в той борьбе и подвергались коммунистическому террору. Кто же знает больше и доскональнее?

В 20-е годы мы видели, как проходили бесконечные чистки, — в учреждениях, в вузах, на заводах, фабриках, шахтах. Мы помним, как уничтожали интеллигенцию, гуманитарную и специалистов, в «делах» шахтинцев, союзнефти, союззолота, геолкома, до «дела» промпартии включительно. Мы все это знаем по своему опыту, (помним и раскулачивание, и ежовщину), а не по партийным «источникам», — кто же знает «раннекоммунистический коммунизм» лучше? И что за чушь, делить «коммунизм» на выдуманные периоды и пытаться присваивать себе монополию на знание их?

Схоластически-искусственные, ничем не обоснованные рассуждения о «раннем» и «нераннем» коммунизме должны указывать, что коммунизм менялся и изменился. Но и этого нет. И в теории, и в практике он остался тем же, что и 40 и 30 лет назад. Можно сказать, что теперь людей стреляют меньше (но все же стреляют), так причина этого проста. Сталинизм еще все помнят хорошо и «вожди» отлично знают, что усиление расстрелов неминуемо перейдет и на них, — а спустаться в подвалы, повторять опыт предшественников, у вождей ни малейшей охоты нет. И если бы такая перспектива не маячила впереди, они давно постарались бы завести нового Сталина (им с ним

«спокойнее»), — пока побаиваются. А пострелять других, в не так большом числе, — почему же не пострелять..

Редактор «Голоса Зарубежья» В. Пирожкова дала очень основательный ответ на письмо П. Болдырева, многое из его путаницы распутав и поставив на свои места. Особенное впечатление на многих мог произвести постскриптум к статье В. Пирожковой, в котором она говорит, что автор письма в ГЗ почти в то же самое время в газете «Наша страна» выступил с противоположными мнениями. А в «Русской Жизни», напечатавшей его доклад, сей диссидентский свободолобец утверждал даже необходимость в некоторых случаях насилия по отношению к правительству и народам. Эти добавления превращают так сказать совокупность его выступлений в сапоги в смятку или во вселенскую смазь, устроенную им третьей эмиграции. В самом деле: выступать с такой безответственностью, в одном органе печати говорить одно, а в другом противоположное, — какова может быть цена таким выступлениям? И каково может быть у таких авторов уважение к читателю, — да и к самим себе? И к эмиграции, к которой он принадлежит и которую так превозносит, приписывая ей особые знания?

Естественно спрашивать себя: что сей сон значит? Не мог же диссидент Болдырев полагать, что противоречия его не будут замечены? Да и зачем вообще взрослому человеку, окончившему по его словам, ленинградский университет по философскому факультету, выступать с такими сапогами в смятку? Какая цель могла у него быть?

Первый ответ может быть только таким: кому-то не по душе, что мы, главным образом «вторые», слишком подозреваем их в отсутствии антикоммунизма, — г-н Болдырев и решил это опровергнуть, с необычной горячностью заявив, что все они — антикоммунисты и отрицают коммунизм в корне. Но антикоммунисты они особые, знающие что-то такое, чего другие не знают, ибо мы, другие, антикоммунисты «раннекоммунистические». А так как все эти рассуждения у него — «от лукавого», а не от его личного убеждения, то он легко о них забыл и в «Нашей стране» выступил с утверждениями противоположными.

Случайно или нет, выступления П. Болдырева почти совпали по времени с другим выступлением, тоже представителя «третьей» эмиграции, — Евг. Туровского, напечатанного летом большую статью «Три волны» в Нью-Йорке (НРСлово от 28.5 и 4.6), в которой он сетовал на сдержанный прием «третьих». О политических настроениях

последних он промолчал, — в моем отклике (НРС от 24.6, «Заглянем в корень») я написал, что в этом и есть основа «наших разногласий»: первая и вторая эмиграции — ясно выраженные антикоммунистические, а третья — затрудняется даже произносить слово «антикоммунизм». Откликнулся и Н. Градобоев рядом статей информационно-га характера, рассказывающих о второй эмиграции, затем В. Пирожкова, одобрявшая мою статью и тоже поставившая ряд вопросов.

Е. Туровский выступил с ответом (НРС от 10.8 — «В защиту „третьей“»), к сожалению, я бы сказал, не менее безответственным, чем «Письмо в редакцию». Мне, например, он с легкостью необыкновенной приписал то, чего я никогда и не думал, выступая, кстати, наверно по советской манере, от «тысяч» третьих (в другом месте даже от «сотен тысяч»), хотя я писал о некоторых из третьей эмиграции, а не о тысячах.

Я всегда считал и считаю политическую деятельность эмиграции (всей) очень скромной, — Е. Туровский заявил, что и я преувозношу, преувеличиваю значение этой деятельности. Но я даже не заикался об этом! Как же он пришел к своему выводу? А он соединил статьи трех авторов — мою, Н. Градобоева и В. Пирожковой и всем нам, огулом, приписал то, чего я никогда не говорил и не писал. Хорош приемчик!

Дальше не лучше. Приведя цитату из статьи Н. Градобоева о том, что почти все из второй эмиграции уже 20 лет, как американские граждане, он прибавил к этому цитату из моей статьи, о том, что третьи (считающие себя эмигрантами) обязаны заявить о своем политическом кредо, и написал: хорошо вам это писать, вы уже 20 лет, как американский гражданин, а третьи здесь только год или два, на родине у них близкие и т. д. (как будто всех заставляют выступать с политическими заявлениями).

Ни в какие ворота это не лезет. Жена и я окончательно переехали в США в 1967 г. Американское подданство я принял только в 1977 году, — до того я 32 года оставался бесподанным. Особенных неудобств от этого я не испытывал и потому с принятием подданства не торопился. Только выйдя на пенсию и уже перешагнув за 70, решил на всякий случай свое бесподданство оставить. Недавно некоторые из третьих на весь свет забеспокоились, что их лишили советского подданства, из-за этого почувствовали себя сиротами и жертвами, — по мне было бы только хорошо, если бы советского подданства вообще не существовало на свете.

Как бы то ни было, писать о других, и с такой безапелляционностью, то, чего не знаешь, в приличном обществе не полагается, такое легко приравнять к инсинуации или передержке. Если это сделано еще по советской привычке, ее пора оставить.

Основной вопрос, о политической вере, Е. Туровский «ловко» обошел. Он написал, что у него «неискоренимая ненависть к коммунистическому режиму». Но есть много третьих, ненавидящих коммунистический режим — и остающихся верующими марксистами и коммунистами. Они надеются, что существующий режим можно реформировать, сделать лучшим, придать ему «человеческое лицо», на что наивно надеются и западные «прогрессивные», — может быть, надеется на это и Е. Туровский? О том, что он антикоммунист, он так и не сказал, повторяя многих из третьей эмиграции.

Между прочим, прошлым летом было и еще одно выступление: в газете «Советская Россия». КГБ предоставил ее журналисту ряд своих архивных материалов, о том, что некоторые работники радиостанции «Свобода» во время войны работали с немцами. Одно очень подходит к другому: третьи усиленно говорят (прежде всего, вероятно, работникам в Вашингтоне), что они хорошие, даже и горячие антикоммунисты и они хорошо знают коммунизм. А вторые, видите, с немцами коллаборировали. И вообще — отстали, помнят только зады раннего коммунизма. Эти авторы, по советски, может быть, и ловкие и ловко приспособленные, дружно напустили густого тумана, много напутали, очевидно для отвода глаз, — а в результате русская редакция радиостанции «Свобода» (созданной когда-то для эмиграции), практически с помощью третьих разгромленная, остается не восстановленной. Она игнорирует русский народ и ведет передачи (на русском языке сильно урезанные и выхолощенные) — для «советского народа». Это, впрочем, хорошо подходит прогрессистам в Вашингтоне: они большие шутники и слонов привыкли не замечать.

**

Живя в ньюджерсийской деревне и не имея связей с «органами» и инстанциями ни той, красной, стороны, ни этой (не белой, а давно уже густо-розовой), я, конечно, не могу безоговорочно утверждать, что между тремя выступлениями есть прямая связь и продиктованы они из одного места. Может быть, тут простое совпадение. Оно, по-моему, должно учить третьих, с какой осторожностью и ответственностью следует в свободной печати выступать.

ДОРА ШТУРМАН

“ПРОСТО, КАК ВСЕ ВЕЛИКОЕ” ...¹⁾

В предыдущей статье мы попытались показать, что диктатура пролетариата оказалась утопией. Общеизвестно, что в ходе коммунистического эксперимента она была заменена однопартийной государственной властью.

В конце концов, это ли важно?

Важно то, насколько полно возникшая форма общественного самоуправления удовлетворяет (или способна удовлетворить) материальные и духовные нужды общества. Важнее всего здесь не качества какой-то конкретной коммунистической однопартийной диктатуры, например, советской или китайской, а **принципиальные** возможности этого способа производства и общественной организации — его возможности в **идеальном, наиболее благоприятном** случае.

Поэтому важно рассмотреть **идеализированный** вариант нового строя, посмотреть, как представляла себе его экономические основы теория, лежащая в основе эксперимента, и потом уже обращаться к практике.

Мы не станем приводить здесь подробные цитаты из «Коммунистического манифеста», «Критики готской программы», «Опыта гражданской войны во Франции», «Эльберфельдских речей», «Принципов коммунизма» и других работ Маркса и Энгельса. Это немыслимо в небольшой журнальной статье. Мы приведем лишь несколько кратчайших рассуждений Ленина, полностью почерпнутых им у его учителей²⁾:

Учет и контроль — вот **главное**, что требуется для «налажения», для правильного функционирования **первой фазы коммунистического общества**. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, **каковым являются вооруженные рабочие**. Все граждане становятся служащими и рабочими **одного всенародного, государственного «синдиката»**. **Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну**. Учет этого, контроль за этим **упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четы-**

рех действий арифметики и выдачи соответственных расписок.³⁾

(Стр. 44-445, подч. нами, разрядка Ленина).

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, **если правильно понимать его в смысле уничтожения классов**. Но демократия означает только **формальное равенство**. И тотчас вслед за осуществлением равенства **всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы** пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». **Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем.**

(Стр. 443, подч. нами.)

«обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а **предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного «зря»** — вроде как бурсаки у Помяловского — **портить склады общественного богатства и требовать невозможно.**⁴⁾

(Стр. 441, подч. нами.)

Тем, кто заподозрит нас в недобросовестности поисков, мы оставляем возможность повторить их: сочинения классиков

³⁾ Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемике Энгельса с анархистами).

⁴⁾ «Требовать невозможного» появилось **после 1917-го года**, когда хозяином «складов общественного богатства» стал «идеальный совокупный капиталист» (Энгельс) в лице ленинского ЦК РКП(б). До ноября 1917 г. «обыватель» только и провоцировался Лениным «требовать невозможное».

¹⁾ Статья написана в СССР в 1968 — 1970 годах. В нее включены лишь небольшие дополнения.

²⁾ См. «Государство и революция». Ленин. Сочинения. Изд. IV.

марксизма к их услугам. «4 действия арифметики», «быстрое и суровое» наказание, формирование привычки исполнять «несложные заповеди нормального человеческого общежития», труд «поровну» и оплата «поровну», **несмотря на неравенство функций, которое сохранится, по собственному признанию, еще надолго**; иногда — оплата не «поровну», а по труду (в одной работе — по-разному), — 40 лет хождения по пустыне, дабы вытравить из себя раба и лентяя, а потом скачок в рай (правда, после эпохи кровавых боев за мировое господство, но эта «мелочь» не акцентируется)... Именно Ленин о послереволюционных проектах Маркса сказал: «Просто, как все великое!». Ему довелось потом хлебнуть этой «простоты», но сейчас речь не о нем.

Однако система создана и существует более полувека. Если она и не имела в годы возникновения строгих представлений о способах решения своих задач, о своей вероятной структуре, то может быть, теперь она обрела их?

Может быть, следует обратиться к более современным научным данным и рекомендациям? Попробуем это сделать.

Акад. Н. П. Федоренко, директор Центрального Экономико-математического Института АН СССР, председатель нескольких комитетов союзного значения, связанных с математическими методами экономического управления, выступил в 1967-1968 г.г. как в специальной, так и в популярной печати с пропагандой СОФЭ — Системы оптимального функционирования экономики. Если бы упомянутый институт действительно изобрел систему оптимального функционирования экономики, благодарное человечество поставило бы его шефу золотой памятник.

Что же он изобрел? ⁵⁾

По словам акад. Федоренко, «экономическая наука обретает в социалистических условиях колоссальное значение», т. к. социалистическое общество «есть продукт науки, воплощение идеалов революционеров, овладевших теорией научного социализма.»

Констатировав первостепенную роль науки в появлении на свет социализма, академик пишет: «Правда, еще нельзя сказать, что в экономике теория намного опережает практику, как это имеет место, например, в физике или математике, **как это должно**

быть в любой науке, достигшей зрелости»...

«В течение длительного времени экономическая теория, оперируя общими формулировками, не давала практике четких предпосылок для выработки количественных методов изучения процессов, протекающих в социалистической экономике.»

Итак, плод «сознательной» деятельности «революционеров, овладевших теорией научного(?) социализма», который вкушают ныне миллиард человек, намеренных навязать его остальным миллиардам, произвела на свет «не достигшую зрелости» науку, которая не давала до сих пор своим подопечным даже **предпосылок для изучения** тех процессов, **на коих основана новая экономика**. Она оперировала лишь «общими формулировками»; руководствуясь коими и затеяла кровавые войны.

«Научные исследования, выполненные в данной области в последние 2-3 года, — утешает нас автор СОФЭ, — позволяют сформулировать и обосновать **исходные предпосылки** (подчеркнуто нами) комплексного механизма функционирования социалистической экономики, наметить важнейшие направления разработки системы оптимального планирования и управления народным хозяйством страны.»

Н. П. Федоренко уверяет, что «результаты этих исследований закладывают основу теории СОФЭ.»

Маркс и Энгельс призвали разрушить «до основания» старый мир и стереть с лица земли присущие ему формы хозяйствования во имя «научной» организации экономики, **«исходные предпосылки»** функционирования которой начали вырисовываться лишь через 120 лет — в исследованиях, руководимых Н. П. Федоренко!

Может быть, академик Федоренко сгущает краски (из невинного желания повысить цену СОФЭ)? Нисколько. Естественно идеализируя свою СОФЭ, он отнюдь не очерняет первоисточников «научного» коммунизма. Вот что пишет о научной строгости социалистического экономического управления член-корр. АН СССР Н. Моисеев («Время кустарничать прошло», ЛГ, №11, 1968): «Нужна систематическая, в союзном масштабе, координация исследовательской деятельности. И прежде всего, следовало бы развернуть теоретическое изучение **самых принципов управления. Мы поразительно невежественны в этой области!** Когда стоит вопрос об управлении космическим кораблем, мы знаем, какая система обратных связей необходима, каково допустимое искажение информации и т. д. Говоря же о системе управления заводом или отраслью, **мы**

⁵⁾ Все цитаты — по книге Н. П. Федоренко «Экономика и математика», М. 1967 и по его статье «Середина века, беспределность поиска», ЛГ, № 49, 1967.

ни на один из подобных вопросов ответить не можем. Хорошо это или плохо — пересматривать план один раз в год? Какими должны быть допустимые сроки переработки информации и т. д. и т. п.? Здесь можно только гадать. **У нас даже нет критериев оценки системы управления.** Вот почему необходимо в первую очередь теоретический анализ с использованием ЭВМ и моделированием на ЭВМ.» (Подчеркнуто везде нами).

Перекрещиваются в сознании две разностильные мысли: первая — известный советский анекдот (из серии «Армянского радио») о том, что, будь Маркс, Энгельс и Ленин учеными, а не только политиками, они бы раньше на собаках попробовали; вторая — откуда такая уверенность, что «использование ЭВМ и моделирование на ЭВМ» даст желанные результаты, т. е. подскажет, как оптимизировать социализм, а не предпишет от него отказаться?..

В октябре 1968 года академик Трапезников⁶⁾ сказал: «Мы неплохо владеем методами и средствами управления технологическими объектами, но в области управления широкими комплексами, организационными системами, условно иногда называемыми большими системами, мы, по существу, лишь начинаем работу.»

Напомним: «В коммунистическом обществе легко будет учитывать как производство, так и потребление. ...Так как известно, сколько необходимо в среднем каждому в отдельности, то очень просто выяснить, сколько потребуется определенному числу лиц. ...Нетрудно будет организовать производство соответственно потребности.» ...«Дело сводится просто к тому, что общество должно наперед рассчитать...» ...«До необычайно простых, всякому грамотному человеку доступных... «...Достаточно знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок» и т. д. и т. п.⁷⁾.

В чем же состоит пресловутая «научность» этих настолько, мягко говоря, наивных представлений, на основании которых «мы весь, мы старый мир разрушим до основания?» «А затем»?! Работая десятилетиями над первоисточниками, мы убедительного ответа на этот вопрос не нашли.

В наиболее распространенном понимании этого термина управление предполагает знание. Социалистическая экономика — экономика глобально централизованная. Для то-

го, чтобы управляющая инстанция в таких условиях могла составить наилучший, «с точки зрения всего общества и каждого его члена в отдельности» (а именно это нам и обещала марксистская классика), план, ей (Центру системы) необходимо учесть и переработать определенным образом ВСЮ экономическую информацию (включая сведения об индивидуальных потребностях и критериях таковых), которая, в виде представлений и связей, а также количественных показателей и параметров, циркулирует в обществе. Информация эта исходит из колоссального объема источников, но право вынесения мало-мальски существенных решений здесь остается за Центром, — Центру и следует ЗНАТЬ всю информацию.

Н. П. Федоренко пишет: «Централизация нашего народного хозяйства есть величайшее благо.

Однако, в связи с централизованностью, количество информации, с которым приходится иметь дело в процессе управления, бесконечно, — переработать всю ее просто невозможно. Но пустить эту переработку на самотек тоже немисливо, — вся система будет работать со скрипом, с понижением КПД.» (Выделено нами).

Поскольку естественный вывод: значит, следует систему нефальсифицированно децентрализовать — заказан для официально работающих советских ученых, то каждый из них обречен искать наилучший вариант в границах заведомо беспомощного общесистемного принципа.

Между тем, в отличие от своих не слишком сведущих в экономической науке предшественников, нынешние советские специалисты по управлению понимают, где зарыта собака. В официально изданном в Москве сборнике «Принципы самоорганизации» (1966, изд. «Мир», статья Ст. Бира «На пути к кибернетическому предприятию», пер. с англ.) на стр. 48 читаем:

«Кибернетическая система отличается тремя характерными чертами: она чрезвычайно сложна — до такой степени, что ее структура не поддается в деталях определению. Она чрезвычайно вероятностна — до такой степени, что, будучи сложной по строению, она становится неделимой, и каждая траектория движения системы равновоятна. Нереально предположить, что такого рода система может управляться посредством предписанных извне правил. Дело в том, что такая система по определению не поддается анализу, и поэтому не существует никакого теста, посредством которого соответствие этим правилам могло бы быть доказано. Третья характерная черта кибер-

⁶⁾ См. журналы «Автоматика и телемеханика», 1969, № 1, и «Наука и жизнь», 1969, № 1.

⁷⁾ Из работ Маркса, Энгельса, Ленина.

нетической системы состоит в том, что коренное свойство **организации**, проявляющейся в ней, возникает **изнутри**; система является **самоорганизующейся**. (Подчеркнуто нами).

Парадоксальная особенность самоорганизации такой системы, например, биоценоза или конкурентного рынка, заключается в том, что ее управляющая инстанция автоматически складывается из **всех** частных, образующих управляемую систему. Команды этой инстанции, адресованные **каждой** входящей в нее частности, представляют собой некие равнодействующие поведения, критериев и параметров **всех** компонентов системы, включая и данный управляемый элемент ее. При этом элементы и узлы системы (подсистемы и группы ее элементов) ни качественно, ни количественно не равны друг другу. Но ни один элемент ее, ни группа (узел, подсистема) таковых **не могут** выйти из-под контроля системы как целого, встать над ней, подчинить ее своему монополю и исключительному диктату. Если это случается, система перестает быть сама собой и превращается в качественную иную структуру, над которой должен стоять всевластный Центр.

Мы сказали «всевластный», однако всевластие это носит весьма своеобразный характер: свободная **запрещать, искажать, принуждать, разрушать** и пр., центральная инстанция управления **не может** добиться поставленных ею перед системой целей, ибо задача эта (добиться целенаправленной деятельности от кибернетической системы «посредством предписанных извне правил») не имеет решения. Волей-неволей Центр упрощает стоящую перед ним задачу, сводя ее к главному для него **самого** — к сохранению постоянства строя, в котором имеет место его главенство, имеют место его исключительные привилегии.

Конечно, и в обеспечении даже этой упрощенной задачи нарастает неуправляемость, беспорядок, увеличиваются искажающие волю Центра «шумы». Но процесс развивается (неусыпными заботами Центра) достаточно медленно для того, чтобы в масштабах короткой человеческой жизни существование диктатуры казалось вечным: система может быть долговечней и отдельных своих правителей, и поколений своих врагов, и своих подданных.

Но повторяем, достичь своих положительных, созидательных, сложных целей такой системе не суждено: обогатить и «осчастливить» своих подданных она не может, даже если хотела бы.

Попробуем существенно сузить задачу.

Известный советский экономист и специалист по управлению пишет: «Разрабатывая систему снабжения Киева молоком и молочными продуктами, украинские научно-исследовательские институты торговли и общественного питания и автодорожный институт подсчитали, что уже при восьми отправителях и восьми получателях груза количество возможных хозяйственных связей достигает... 1 миллиарда! Никакие человеческие качества не могут в таких случаях обеспечить оптимальных решений. Требуются ЭВМ, требуется «система» как таковая. Но создавать систему может только человек, и выбор окончательного решения из всех возможных вариантов будет оставаться за ним, потому что для решения необходим критерий. Заложить этот критерий в ЭВМ можно, но выработать его должен человек.» (В. И. Терещенко, ЛГ, № 33, 1970).

О проблеме критерия мы будем говорить особо, а пока еще одно высказывание об ЭВМ: «Специалисты нашего института однажды проделали любопытный расчет. Они высчитали количество операций, которые необходимо было бы произвести, чтобы составить такого рода детализованный оптимальный план только для 2-х тысяч объектов. Оказалось, что он потребовал бы от лучшей советской машины БЭСМ-6 — ни мало ни много — тридцати тысяч лет непрерывной работы.» («Научно-техническая революция и управление», «Новый мир», № 10, 1970).

Возникает «кошунственный» вопрос: «Можно ли объять необъятное?»

Акад. Федоренко предлагает следующим образом «упростить» задачу: «Задача состоит в том, чтобы отобрать наилучшие приемы, методы, средства производства, предметы культурного и бытового потребления по степени их важности для всего общества и для каждого человека в отдельности». (Подчеркнуто нами).

Вот мы и добрались до проблемы критерия — критерия полезности, критерия оптимальности, критерия блага и зла, без решения коей смешно говорить о свободе выбора в социальном смысле этого действия.

Возникают бесчисленные вопросы:

1) на основании **какого мерил** и кто будет определять полезность (?) различных вещей и действий «для всего общества и для каждого человека в отдельности»?

2) Почему представления и мерил какой-то инстанции должны быть обязательны «для всего общества и для каждого человека в отдельности»?

3) В чем гарантия того, что интересы и цели этой инстанции совпадают с интересами хотя бы большинства членов общества?

4) Как будут доведены до сознания этой инстанции интересы «всего общества и каждого человека в отдельности» и т. д. и т. п.?

Акад. Федоренко, как и большинство его советских коллег, вынужден игнорировать эти вопросы. Он скромно сообщает, что «в нашей стране и в братских социалистических странах преодолеть эти временные (?) и субъективные (?) трудности призвана СОФЭ», которую разрабатывает вверенный ему коллектив. Но в чем состоит спасительная сила СОФЭ, понять невозможно, ибо каждое из ее предложений заранее отвергнуто преамбулой автора: он говорит, что к существенным ошибкам в планировании «может привести и зачастую приводит недочет ВСЕХ связей в экономике» (разрядка наша), и тут же неоднократно напоминает нам, что участь ВСЕ связи, и **даже большую часть таковых**, в подобной системе немисливо никакими методами, приемами и техническими средствами.

Остается утешать себя тем, что бесконечно большое число «степеней свободы» оптимизируемой системы позволяет пытаться «оптимизировать» каждый из ее бесчисленных планов развития до бесконечности.

Н. П. Федоренко косвенно признает все те ограничения, которые объективно противостоят попыткам оптимизировать социалистическую экономику, не вводя в нее опасных для государства-монокапиталиста факторов конкуренции (на вещественнотоварном и на информационном рынках).

Он просит «учесть два важнейших обстоятельства:

А) невозможность в таком сложном организме, как экономика Советского Союза, предусмотреть из одного центра все, т. е. согласовать многообразные и детальные потребности общества со столь же многообразными возможностями и ресурсами.

Б) необходимость обеспечения непосредственной заинтересованности управляющих органов, коллективов предприятий и отдельных работников в соблюдении и осуществлении оптимального плана».

«Важно лишь, чтобы планирующие органы определили такие значения переменных (показателей), которые стимулировали бы подчиненные им объекты к принятию плановых решений, оптимизирующих глобальный критерий.»

Мы просим прощения за мелочное копа-

ние в формулировках, но за их суховатыми фразами стоят судьбы — сегодня — почти миллиарда человек, завтра встанут судьбы миллиардов людей, за право ими, этими формулировками, играть, ими — в интересах своих и своих хозяев — жонглировать пролиты, уже пролиты, реки крови. Либо развалятся — небоскребами на сыпучих песках — эти формулировки, либо — ради цементированья песка, на котором они стоят, — прольются новые океаны крови. Вдумаемся в эти формулировки: из одного Центра согласования потребности общества с его возможностями нельзя; в отыскании каких-то относительно благополучных форм такого согласования не заинтересованы даже сами управляющие органы; нельзя рассчитывать даже глобальных критериев оптимальности. **Но следует рассчитать еще и такую ситуацию, при которой все, включая органы управления и планирования, захотели бы «оптимизировать» глобальный критерий!!!**

В цитируемых нами работах отчетливо проступает черта, общая всем советским экономистам и специалистам по управлению, занятым глобальной экономической проблематикой: в них очевидно стремление искусственными, расчетными методами восстановить разрушенные капиталистические взаимодействия, **беспощадно** оптимизирующие капиталистическую экономику. Но авторы работ должны достичь своей цели, не восстанавливая при этом капиталистической конкуренции, не вводя факторов, способных посягнуть на **абсолютную внеконкурентность** государства **монокапиталиста**. Термин «монокапитализм» предложен в 1944 году студентом Казахского государственного университета (г. Алма-Ата) двадцатилетним Марком Черкасским⁸). В том же году он был приговорен к пяти годам заключения по ст. 58 §§ 10-11 УК РСФСР (по одному делу с автором этих строк). Тогда же потрясла нас неожиданным сходством своим с реальным социализмом (монокапитализмом) обнаруженная нами в сочинениях Маркса формация, названная им «староазиатской», или кастовой, деспотией. Другие исследователи этой формации были нам неизвестны до 1967 года, когда АН СССР опубликовала сборник материалов научной дискуссии по этой формации,

⁸) В 1971 году Марк Черкасский, доцент Пермского Государственного Университета, пропал без вести в СССР. Всесоюзный розыск не привел ни к каким результатам.

где, кстати, сообщалось, что всякое упоминание о последней было строжайше запрещено советским историкам Сталиным в 1932 году.

В так называемой «азиатской деспотии» («староазиатской формации», «кастовой деспотии») между государством и непосредственными производителями (земледельцами и ремесленниками) нет промежуточных правящих классов. Правящим классом здесь является само государство, государственная власть и ее иерархически организованный аппарат, опирающийся на жреческую касту и армию.

Крестьяне здесь не крепостные и не рабы. Земля находится во владении общины; рабовладение существует эпизодически (мы не касаемся различных вариантов и комбинаций рабовладения и кастовой деспотии⁹⁾).

В деспотиях, возникших над крестьянской общиной и ремесленным городом, решения в области производства продукта выработывают сами производители, а решения в области распределения продукта выработывает государственная власть. Самостоятельность в производстве без права распорядиться его продуктом — фиктивна, тем более, что деспотия экспортирует продукт произвольно, не руководствуясь в своей «продразверстке» никакими паритетными договорами.

Власть над продуктом труда есть власть над производителем; естественные связи хозяйства искажаются: производитель утрачивает заинтересованность в результате своего труда, уверенность в своем будущем.

В условиях же монокапитализма, т. е. социализма, государство регулирует не только распределение, но и производство (как материальной продукции, так и идей или образов). Его власть над обществом, следовательно, еще полнее, чем в условиях кастовой деспотии. В 1944 г. это распространение собственной логики Маркса на социализм нас потрясло. Теперь потрясает другое: почему «неомарксисты» и «еврокоммунисты» уклоняются от этой логической операции, лежащей в поле их собственного мировоззрения?

⁹⁾ В библейской истории Иосифа Прекрасного (по крайней мере, в интерпретации Томаса Манна, в романе «Иосиф и его братья») воспроизведена экспроприация, по инициативе Иосифа, общинных и частновладельческих земель государством и становление строя, комбинирующего «кастовую» («староазиатскую») и рабовладельческую деспотию.

◆
Все «блага», генератором которых является конкурентный рынок, должны, по условию, заданному ученым сверху, исходить из Центра системы — от ее всеильного распорядителя. Надо только «нащупать» и «рассчитать» такой комплекс команд, который стимулировал бы систему без всякой к тому необходимости моделировать в своей повседневной жизни, на всех ее уровнях, неотвратимость конкурентно-рыночного отбора. Но дело не только в том, что никто не знает, как рассчитать такие команды, не вводя в систему фактора истинной экономической демократизации, т. е. свободной инициативы и конкуренции, — дело в том, что их объективно нельзя рассчитать.

◆
Продолжая разговор о критериях оптимальности, мы рискуем привести еще один пример рассуждения на эту тему, принадлежащего советскому специалисту. Не забыв сообщить (то ли читателю, то ли цензуре), что на знамени новой формации начертано: «Все — во имя человека, все — для блага человека», один из сотрудников и ближайших помощников акад. Федоренко — Н. Я. Петраков в книге «Кибернетические проблемы управления экономикой»¹⁰⁾ рисует такую картину: На высшем уровне системы «экономика» (в нашей терминологии — на уровне Центра) выработывается глобальный критерий оптимальности, который является обязательным для всех прочих уровней (предприятия, объединения, отрасли). Этот критерий спускается сверху вниз, так что на каждом уровне локальный критерий оптимальности задается вышестоящей инстанцией. Автор делает вывод, что «...критерий оптимальности экономической системы может быть введен лишь на основе анализа всей совокупности обществественных отношений, социально-экономической формации в целом.» После вполне пристойных и благонамеренных рассуждений об участии в выработке такого критерия всего советского общества, он заключает: «Все сказанное выше дает основания предполагать, что при определении аксиоматики оптимального планирования и управления постулат о наличии народнохозяйственного критерия оптимальности должен быть дополнен постулатом об априорной неопределимости этого критерия.» (Подчеркнуто нами).

Трудно, казалось бы переоценить роковую для социализма характер этого вывода:

¹⁰⁾ Москва, изд. «Наука», 1974 (с. 32).

◆
 Следовало бы отнестись очень внимательно к этой парадоксальной логической цепи, которая возникает в рассуждениях серьезных советских ученых, несвободных сделать ими же самими предуготовленный вывод из собственных исследований¹¹⁾. Вот эта цепь: 1) полностью лишенная конкурентного рыночного регулятора, «большая система» современной экономики нуждается в едином «верховном регуляторе (Центре)»; 2) Центр для своих действий нуждается во всеобъемлющем знании об управляемой им системе и о критерии оптимальности для выбора **за систему** ближайших и дальних целей (а также путей к ним); 3) по ряду объективных **физических** причин Центр не может ни собрать необходимую информацию, ни выработать надежный критерий оптимальности.

Вывод напрашивается сам собой: Центр **вынужден** действовать произвольно.

Не закономерно ли, что над сознанием Центра волей-неволей начинают господствовать единственная и гораздо более простая задача — задача его самосохранения — и критерии, определяющие решение только этой задачи?

◆
 Остановимся еще раз на критерии оптимальности. «Оптимальный план — это наилучший с точки зрения выбранного критерия вариант развития экономики... Выбор наилучшего стабильного варианта экономика предполагает наличие единого критерия оптимальности, позволяющего сравнивать и объективно оценивать разные варианты», — так говорит акад. Федоренко. Допустим, что, вопреки утверждению Н. Я. Петракова, этот

¹¹⁾ Мы говорим о тех ученых, которые явно подошли к этому выводу. Очень часто это не гуманитарии, а представители точных, естественных или технических наук (блестящий пример последнего — А. П. Федосеев, уже обретший свободу сформулировать и опубликовать ход своих мыслей и свои выводы). Зато перед нами разворачивается множество угрожающих примеров того, как люди, **свободные делать выводы**, не умеют (или не хотят) их делать. В связи с последним замечанием возникает печальное подозрение, что как западные, так и советского происхождения «новые левые» просто не склонны утруждать себя ни серьезным анализом марксистской классики и опыта социализма, ни обращением к современным методам исследования (в различных плоскостях) так называемых «больших систем»...

критерий в принципе определим. Но **чей** же это будет критерий?

Отобрать для себя лучшее может только **сам потребитель** данного вида товара, руководствующийся при этом **собственным критерием оптимальности**.

В условиях конкурентного рынка планирующий свою деятельность поставщик **любого** вида «вещественных и нематериальных товаров, в том числе образов, идей или услуг, может лишь со все возрастающей степенью точности вероятностно прогнозировать ожидаемый спрос, встречное предложение, поведение своих конкурентов и потребителей, а также изопренно навязывать последним интерес к приобретению именно его товаров (в ряду других предложений).

Волеизъявление же как отдельного потребителя, так и — в конечном счете — совокупности таковых реализуется **статистически** — во всей массе **покупок — отказов**, определяющих выигрыш или проигрыш поставщика.

Этот достаточно противоречивый, хотя и простой механизм **не совершенен**:

(1) он грозит катастрофой не предусмотревшему рыночную ситуацию поставщику;

(2) он невыгоден потребителю, не достигающему санкционированного рынком уровня платежеспособности;

(3) он лишен какой бы то ни было нравственной избирательности и безразлично удовлетворяет самые вредные и аморальные (согласно **нашим** критериям, **неразделяемым** другими потребителями каких-то товаров или услуг) запросы.

Но катастрофы (1) и (2) носят здесь локальный характер и обретают все больше профессиональных и социальных противовесов. А порок (3) толкает нас к борьбе за **цивилизацию спроса**, соответствующую **нашим** критериям добра и зла, выгоды и невыгоды и т. п.

Поставщики, не соответствующие рыночному критерию, либо перестраиваются, либо уступают свое место поставщикам, более угодным данному рынку. При этом они, как правило, не умирают, а подвергаются какой-то социальной переквалификации.

Неплатежеспособный потребитель в последовательности демократических обстоятельствах вступает в борьбу за повышение своей платежеспособности. На его стороне при этом оказывается и стремление конкурирующих поставщиков к завоеванию рынка путем снижения цен, и стремление конкурирующих политических союзов и партий к завоеванию его голоса путем удовлетворе-

ния его запросов и интересов.

Наиболее трудной задачей здесь оказывается цивилизация спроса, ибо в условиях свободного рынка общество и потребитель в состоянии заказать и получить практически любой товар, вплоть до смертельно опасных, как для него, так и для общества в целом¹²⁾.

Рынок с одним поставщиком — это тоже рынок, ибо на нем присутствуют поставщик, товары и потребители. Но на этом рынке предложение утрачивает свой моральный нейтралитет, точнее — свою моральную слепоту и глухоту, «невмонтированность» в него этических побуждений и моральных критериев. Жадность единственного постав-

щика, его своекорыстие, ограничиваемое и нейтрализуемое в условиях свободного рынка конкурентами и демократической ситуацией, становятся его «моралью», его «этикой» — всепобеждающим поведенческим принципом, не встречающим в обществе никакого узаконенного противодействия. Глобальным критерием оптимальности такого общества (единственно в нем легализованным) становится инстинкт самосохранения и самоудовлетворения его совокупного хозяина.

В таких условиях то, что мы определяем как цивилизацию (облагорожения, морализацию) спроса, почти немислимо, ибо здесь оно означает не только отказ от покупки и поиска другого товара, а бунт, восстание, войну не на жизнь, а на смерть против всемогущего монокапиталиста против системы.

Борьба против недостатков конкурентной демократии труднее, чем борьба против демократии в целом: разрушать сложное и совершенное куда легче, чем его совершенствовать, да еще таким непростым путем, как цивилизация свободного выбора. Поэтому значительная часть беспечных и своенравных «детей демократии» и выбирает уничтожение, а не конфликтное совершенствование механизма, автоматически обеспечивающего обществу существование, отвечающее стохастически выражаемому этим обществом критерию оптимальности. И пресловутый младенец при таком подходе к механизмам конкурентного рынка вылетает из общественного корыта вместе с грязной водой.

¹²⁾ Вспомним, как немецкая демократия в 1933 году избрала на своем политическом рынке Гитлера. Обратимся к тому, как неустойчива современная европейская политическая конъюнктура выбора. Посмотрим на экологические последствия современной потребительской самоориентации общества. Но «обида» на рыночные механизмы демократии за их оперативность в выполнении любого платежеспособного и технически осуществимого спроса равноценна «обиде» на печатную машину, размножившую приказ о запрещении книгопечатания: в машину «невмонтированы» этические, моральные, футурологические и экологические критерии какой-либо одной части общества. Предложения рынка — это функция нашего общего спроса (в его много — или однообразии).

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ACER — 91, Rue Olivier de Serres, 75015 Paris

Почтовый счет: ССР: ACER 15 373 59 Y Paris

ПОМОЩЬ ВЕРУЮЩИМ В РОССИИ

Ответственный: К. ЕЛЬЧАНИНОВ

Тел.: 664 75 38

Париж, 25-10-78.

Дорогая Вера Александровна!

На «Голос Зарубежья» довольно большой спрос из России. Если у Вас имеются старые номера, пришлите, буду Вам очень благодарен.

Всего хорошего

С дружеским приветом.

Уважающий Вас

(подпись: К. Ельчанинов).

В. КОБЫЛИН

К СОРОКОЛЕТИЮ МЮНХЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В конце сентября этого года было ровно сорок лет, как была созвана конференция в Мюнхене, на которой Германия, при согласии Италии, Франции и Англии получила право на аннексию части Чехословакии, именно Судетской Области.

Причинами, которые привели к созыву конференции и решению полностью удовлетворить пожелания (вернее ультимативные требования Германии), были стремления Англии во чтобы то ни стало избежать военного конфликта, а, если смотреть глубже, то отсутствие у английских лидеров мужества и желание путем компромисса с совестью и сговора с явным агрессором уйти от ответственности за события, которые были все же неизбежными в будущем, получить какую-нибудь отсрочку (очень кратковременную, как показали дальнейшие события) и... как страус спрятать голову в песок.

Результаты в таких случаях всегда плачевны. Уверенность в отсутствии реакции со стороны держав, которые должны были немедленно принять соответствующие меры, дала возможность агрессорам ускорить события и привести их неминуемо к катастрофе.

Вот что происходило в 1938 году. Германия, которая стала называться Третьим Райхом, а после присоединения Австрии, «Великогерманией (Grossdeutsches Reich)» явно стремилась сперва «воссоединить» все области, населенные немцами, с Райхом («Heim ins Reich!»), а затем приступить к заветной мечте Гитлера — подчинить Европу до Урала «немецкой высшей расе» («Herrenrasse»).

Франция была в то время чрезвычайно ослаблена «народным фронтом» Леона Блюма, политическими скандалами и коррупцией; в Англии премьер-министром был Невилль Чемберлен, чрезвычайно нерешительный, боящийся каких-либо решений, которые наложили бы на Англию ответственность за события, которые были по существу неизбежными и уже, так сказать «висели в воздухе».

Чемберлен предполагал (согласно многочисленным мемуарам своих современников), что разногласия между Германией и Италией с одной стороны и западными демократиями с другой, являются не стремлением Германии к гегемонии, а ...отсутствием достаточного понимания между Великими Державами.

Чехословакия, которая была наспех «скроена» Версальским мирным договором, представляла собой искусственное государственное образование, в котором жили чехи, словаки, венгры, поляки, карпатороссы и немцы. Судетская область, которая граничила с германскими землями (Германия и Австрия), была населена немцами, среди которых с приходом Гитлера к власти, шла бешенная пропаганда за присоединение к Райху. Местный возглавитель нацистской партии Конрад Генляйн (Henlein) получал с 1935 года 15.000 марок ежемесячно от германских инстанций. Граница Чехословакии с Германией проходила в Судетской области. Пограничные укрепления, которые были возведены для защиты от возможного нападения сильного соседа, представляли собой настолько сильное препятствие для продвижения врага, что когда Судетская область отошла к Германии, военные специалисты Третьего Райха должны были признать, что немецкая артиллерия не смогла бы оправдать возлагаемые на нее надежды. Гитлер лично отправился на бывшую границу и был чрезвычайно поражен массивностью и умелым расположением укреплений. Все это Германия получила без единого выстрела.

По хорошо испытанному плану судетские нацисты, под умелым руководством своего руководителя Генляйна, с каждым днем усиливали трения между чешской администрацией и немцами области и при помощи провокации вызвали всевозможные инциденты, которые сейчас же передавались в Германию. Из-за всего этого положение в Чехословакии становилось невыносимым.

Для того, чтобы проверить немецкие нарекания на Пражское правительство, Британское правительство решило отправить лорда Runciman'a в Судетскую область. Это было большой психологической победой для нацистов, которые убедились, что их лживая и демагогическая пропаганда принимается Англией за чистую монету.

Гитлеру удалось, кроме того, склонить венгерское и польское правительство потребовать от чехов исправления границ для того, чтобы пограничные с ними области, населенные венграми и поляками, отошли бы к этим странам. Наконец, Гитлер объявил о боевой готовности своей армии к 1-му октября.

В это время в Нюрнберге произошел очередной годичный съезд партии, на котором

Гитлер и его ближайшие приспешники прямо заявили о ближайшем завоевании всей Чехословакии. Чтобы убедить всех в «политике террора», проводимой правительством Бенеша, на территорию Германии явились Генляйн и его последователи, якобы преследуемые чехами. Чемберлен, который решил проявить беспрецедентную дипломатическую инициативу, отправился впервые в своей жизни на самолете в Берхтесгаден для свидания с «Фюрером».

Гитлер, чрезвычайно польщенный прибытием британского премьер-министра, решительно заявил, что он требует проведения плебисцита в Судетской области. Причем он добавил, что он не побоятся риска войны, мировой конечно. Чемберлен быстро вернулся в Лондон и немедленно начал обсуждение создавшегося положения с заинтересованными странами. Через 4 дня интенсивной дипломатической деятельности в Праге, Лондоне и Париже Чемберлен вылетел вторично в Германию (на этот раз в Годесберг) для того, чтобы осведомить Гитлера, что после англо-французского демарша в Праге правительство Чехословакии согласилось на постепенную передачу Судетской области Райху.

Тут необходимо заметить, что передача Судетской области Германии, означала для Чехословакии потерю мощных пограничных укреплений и превращение ее в совершенно беззащитную страну со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые и не замедлили последовать.

После того, как Чемберлен покинул Германию вторично, Гитлер в Берлине в Sportpalast'e заявил, что Чехословакия должна немедленно выполнить все предъявленные ей требования. В противном случае — война.

Британский премьер-министр, несмотря на все унижительные для «Великих» Держав требования, решил окончить Судетский кризис мирным путем. Он получил поддержку французского премьера Даладье и итальянского Дуче для окончательного решения этого вопроса на конференции.

Гитлер в ответ на это потребовал, чтобы на этой конференции не была бы представлена Чехословакия. Его партнеры по конференции пошли и на это.

Таким образом началась конференция «Четырех» в Мюнхене за 36 часов до окончания, выдвинутого Гитлером срока. На этой конференции было достигнуто соглашение о вступлении германской армии в Судетскую область на следующий день. Пражское Правительство было лишено какой-либо возможности протестовать против этого решения.

Чешский премьер-министр, заявляя о случившемся по радио, сказал — «Нас все покинули и мы остались одни». Президент Бенеш ушел в отставку и уехал из Чехословакии.

Венгрия и Польша сейчас же заявили свои претензии на «исправление границ».

Самым трагикомическим моментом во всем этом было прибытие Чемберлена в Англию, где он на Кройдонском аэропорте заявил, встречавшей его толпе, что «решения Мюнхенского Соглашения являются символом, того, что народы никогда больше не будут прибегать к войне при наличии какого-либо спора».

Гитлер был совершенно убежден в обратном и немедленно начал свои приготовления для того, чтобы подготовить выполнение своего плана завоевания и порабощения нужных ему территорий.

Но уступчивость Англии и Франции и позорный компромисс, на который они пошли, в корне подорвал заговор высших германских представителей военного командования во главе с начальником Генерального Штаба, генералом фон Бек и сделал его невозможным для проведения в жизнь. Об этом заговоре говорил и на Нюрнбергском Международном Суде и в своих воспоминаниях генерал Гальдер и другие участники этих событий.

Психологически, конечно, никак нельзя было ожидать успешного проведения этого заговора после того, как Гитлер был триумфатором в деле Судетского «кризиса». Тут нужно принять во внимание и тот несомненный факт, что и «Аншлус» Австрии и присоединение Судетской области, несомненно компенсировали необыкновенно задетое самолюбие немцев всеми решениями Версальского мирного договора, и делало Гитлера в их глазах народным героем и подлинным Вождем.

И только близко стоявшие к нему люди, которые не разделяли всех бредней нацистских теорий и понимали к чему ведет губительная политика Гитлера, стремились к каким-то решениям, которые могли бы спасти их родину от катастрофы. Таким человеком и был генерал фон Бек, который в знак протеста против решений Гитлера, вышел в отставку. Его отставка держалась в секрете несколько дней, а затем, после всех событий, связанных с Мюнхенской Конференцией, прошла совсем незаметно.

Тот же генерал фон Бек участвовал и в заговоре против «Фюрера» в июле 1944 г., когда взорвавшаяся бомба, подложенная полковником графом Штауфенбергом, слег-

ка задела Гитлера. Генерал фон Бек, узнав о неудаче заговора, застрелился.

Пользуясь сорокалетней годовщиной этих печальных событий, которые были прелюдией ко второй мировой войне, хочется сказать то, что сейчас является очень актуальным.

Отсутствие мужества, отсутствие решимости идти навстречу неизбежному, никогда не предотвращает наступления этого не-

избежного, а как раз наоборот, вызывают к жизни еще большие осложнения, которые ведут к катастрофическим последствиям.

Так было всегда, так это и сейчас. Вспоминая то, что имело место сорок лет тому назад, пожелаем, чтобы мужество не ушло совершенно из жизни, потому что без него жизнь превращается только в жалкое существование.

От редакции:

Почти в последний момент перед тем, как истек срок для принятия статей для № 11 нашего журнала, П. Болдырев, знакомый нашим читателям по его открытому письму в № 9 нашего журнала¹⁾, прислал нам свою еще летом произнесенную речь на церемонии «Недели поработанных народов» в Нью Йорке.

В русской эмигрантской прессе об этой речи ничего не было сказано. И мы колебались, публиковать ее или нет, настолько она примитивно фальсификаторская по отношению к русской истории. Но наше желание информировать русскую общественность взяло верх. Она должна знать, каким

¹⁾ В сопроводительном письме П. Болдырев жалуется на то, что его критики в других органах печати искажают его фамилию. Так в прекрасной статье С. Рафальского «Послекоммунистический антикоммунизм», НРС от 17 сент. с. г., П. Болдырев назван Н. Бондыревым, а в рецензии В. Самарина на «Голос Зарубежья» (за которую мы его благодарим) в «Русской Жизни» за 31 августа с. г., он назван даже П. Богатыревым. Мы почти ни в чем не согласны с П. Болдыревым, но в этом мы с ним согласны: не стоит придумывать ему новых фамилий. У читателя может возникнуть впечатление, что существует целая группа единомышленников в этом вопросе, тогда как дело идет все о том же П. Болдыреве.

Кстати, П. Болдырев хочет взять патент на термин «посткоммунистический антикоммунизм», который якобы придумал он. Это не так. Термин этот возник впервые 22 года тому назад после венгерской революции 1956 г. Но он быстро сошел со сцены, т. к. оказался мертворожденным. Не существует никакого «посткоммунистического антикоммунизма», — и это только маскировка, чтобы оттеснить в сторону принципиальный антикоммунизм (см. статью «Антикоммунизм» «Г. З.» № 10). — Прим. ред.).

ядом питают некоторые диссиденты наивных и неинформированных иностранцев.

Опровергать явную и примитивную неправду труднее, чем любые глубокомысленные построения (как доказать, например, человеку, что белое есть белое, если он называет его красным?) Это, между прочим, хорошо знают коммунисты и часто этим пользуются. П. Болдырев повторяет Плюща и других русофобов, еще больше их примитивизирует и выдумывает новые нелепые термины, как например, «панмосковское единство человечества», о котором никто в русской истории никогда не слышал.

Нет смысла повторять то, что мы уже говорили в статье «Народный фронт в эмиграции в СССР» («Голос Зарубежья» № 4 и «Новый журнал» № 27). Мы отсылаем читателя к этой статье.

Речь П. Болдырева оказалась как бы подтверждением нашего тезиса, что отрицание господства коммунизма в теперешней России и других республиках, входящих в состав СССР, все равно провозглашается ли оно в бодром лозунге о полном изживании коммунизма в России и ставится под знак плюс, или же по-руссофобски ставится под знак минус, объективно служит коммунизму, его мимикрии под русский национализм.

Нет надобности разяснять, что распад «империи» не уничтожает автоматически коммунистической диктатуры. Как существуют сейчас независимые от Москвы коммунистические диктатуры в Югославии, Кубе, Китае, Камбодже, Вьетнаме, Лаосе, так же можно легко себе представить независимые от Москвы коммунистические диктатуры Украины, Грузии, Армении и т. д. Может быть, коммунисты даже и сделают из тактических соображений такое разделение (см. статью «Раздели один на два» в № 9 «Голоса Зарубежья»).

Мы повторяем, что решили поместить

эту речь из соображений информации общественности, т. е. с П. Болдыревым невозможно серьезно дискутировать. На возражения и аргументы он не отвечает. Так в его речи нет никакого разъяснения по поводу его требования запретить народам, вхо-

дящим сейчас в состав СССР, добровольно присоединиться в будущем к свободной Российской Федерации. Поэтому мы сомневаемся в том, чтобы его дальнейшие высказывания могли интересовать наших читателей.

П. БОЛДЫРЕВ

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА — КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ К ЛИКВИДАЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ

«Ответом» главного редактора В. Пирожковой на мое открытое письмо в девятом номере «Голоса Зарубежья» может быть начато продуктивное обсуждение по крайней мере 3-х важнейших тем: 1) о великоросском колониализме и империализме, 2) об историческом детерминизме, 3) о конкретных антикоммунистических альтернативах.

Учитывая «пространственно-временную» ограниченность журнала, остановлюсь сейчас лишь на первой из них. Предлагаю — под вышеприведенным заголовком — мою последнюю речь. Она была прочитана по-английски 23 июля 1978 года в Нью-Йорке у Статуи Свободы на 20-й ежегодной церемонии «Неделя Порабощенных Наций».

Соответствующая информация была дана в газетах «Нью-Йорк Таймс», «Дейли Ньюс», в украинской, белорусской и т. д. печати. В русскоязычной печати, насколько мне известно, никаких сообщений не появилось.

Предлагаемый текст речи откорректирован специально для журнала «Голос Зарубежья».

«Закончившиеся недавно в СССР политические процессы над мужественными и честными людьми — Анатолием Щаранским и Александром Гинзбургом — еще раз показали миру, что подлинной сущностью советского режима является непревзойденная наглость и откровенная ложь. В советской системе лживо все: от идеологии до экономики, от политики до судопроизводства. Советский режим лжет не стесняясь всем: собственному народу и остальному миру, своим сателлитам и своим врагам.

Эта ложь многолика, она рядится в разные одежды. Непримируемое противоборство с демократическим свободным Западом она маскирует под детант, имперские цели мирового господства — пресловутым проле-

тарским интернационализмом. И под этой демагогической дымовой завесой тоталитаризм московского образца, как раковая опухоль, расплзается по миру.

Но если присмотреться внимательно, можно увидеть, что теперешняя имперская политика СССР мало оригинальна. Во многом она повторяется и напоминает дореволюционные образцы. Сейчас становится все более очевидным, что вся новейшая советская мимикрия — лишь еще одна маска старого и традиционного великоросского империализма. В нем, как считал наш русский мыслитель Н. А. Бердяев, нашло извращенное выражение стремление Москвы к объединению мира под своей эгидой, к созданию так называемого «панмосковского единства» человечества. И этот замысел в течение веков был большим соблазном для России, особенно с монгольского нашествия, во многом как реакция на 250-летнее монгольское иго.

Это несчастное событие русской истории как бы «пролетаризировало» наше национальное самосознание, стимулировало комплекс национальной неполноценности. А он, в свою очередь, породил стремление к рекомпенсации, к взятию реванша за длительное национальное унижение. Один из лучших отечественных историков В. О. Ключевский считал, что не случайно Москва так много заимствовала у своих поработителей-монголов, и в первую очередь их эффективную армейскую организацию. Она почти полностью была скопирована в великоросском военно-полицейском государственном устройстве, сослужила главную службу сначала в деле освобождения от сагих монголов, а затем и в делах внутреннего подавления и дальнейшего внешнего завоевания.

Не следует заблуждаться. Под старороссийской мессианской идеей «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать» изна-

начально был скрыт проект империалистической экспансии. Современный московский коммунизм лишь унаследовал, перегруппировал и обновил мощь и лозунги прежнего Российского самодержавия. Он отбросил последние, еще как-то сдерживавшие прежних самодержцев, христиански-религиозные тормоза. Он на всех парах устремился к реализации давнего замысла вселенской империи, который не удался более 700 лет тому назад духовным отцам великороссского империализма — монгольским ханам, а за последующие столетия и их наследнику — московско-петербургской автократии. Советский империализм стремится взять реванш за своего менее удачливого, им же сокрушенного предшественника.

Таковы уроки истории, которые, к несчастью, слишком часто забываются. Смешно и трагично видеть, как пытаются сейчас некоторые эмигранты из России предложить в качестве альтернативы Москве коммунистической Москву не посткоммунистическую, а докоммунистическую. Хотят таким образом убить сразу двух зайцев: избавиться от советской власти и сохранить империю. Не понимают, что без первого не может быть второго, а без второго не было бы первого.

Коммунистический советский режим и его колониальная империя — это сиамские близнецы-братья. Их раздельное существование противоестественно. А гибель одного есть гибель другого. Распад СССР, образование из бывших колоний независимых национальных государств, включая русское, есть кратчайший путь к декоммунизации всех подсоветских народов на всей подвластной Кремлю территории. Этот путь гораздо более действен и эффективен, чем мифическая надежда на «либеральную эволюцию» коммунистической диктатуры или на ее свержение, и лишь затем — ликвидацию импе-

рии. Очевидно, что к серьезным внутренним самопреобразованиям тоталитарная система неспособна, а для государственного переворота в СССР нет и в обозримом будущем не предвидится никаких реально и мощно противостоящих коммунистической власти внутренних сил. И в то же самое время целостности империи постоянно угрожает мощное и все более усиливающееся стремление к национальному освобождению.

Учитывая современную ситуацию, группа политических новоземigrants из СССР пришла к выводу о необходимости зарубежного русского центра борьбы «За Россию без колоний» (РБК), который поддерживал бы происходящие за «железным занавесом» национально-освободительные процессы. Главная практическая и теоретическая цель сформулирована в названии. Мы верим в приоритет антиимпериалистического и антиколониального движения в СССР над всеми другими видами антикоммунистического резистанса. Мы считаем, что в случае успеха этого движения коммунистическая диктатура рухнет неизбежно, — как в целом, так и во всех частях, — во всех вновь образовавшихся суверенных национальных государствах, включая русское. Ибо держится идеологически и нравственно обанкротившийся московско-советский (а с ним и мировой) коммунизм сейчас исключительно лишь на физическо-географической мощи своей колониальной империи.

Не утопическая надежда на эволюционные преобразования коммунизма и не романтический путь заговора ведет к упразднению коммунистического режима и колониальной империи СССР. Напротив, лишь реально существующая и крепнущая национально-освободительная борьба за развал империи неизбежно приведет также и к ликвидации коммунистической тирании.»

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: В виду продолжительной поездки нашего сотрудника В. Рудинского в Канаду, «Обзор зарубежной печати» в этом номере касается только зарубежных русских изданий в Америке.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Редактор «Нового журнала» Р. Б. Гуль публикует в № 131 начало своих мемуаров под заглавием «Я унес Россию». Живые и яркие воспоминания эти — вот уж никак не замозильные по своему духу, вопреки шутливому примечанию самого автора! —

поднимают ряд интереснейших и глубоко актуальных вопросов. История рода писателя, уходящая корнями в шведскую аристократию высшего ранга, тесно переплетается в дальнейшем с судьбами русской интеллигенции, дворянской и всякой иной. Чрезвычай-

но метко роняет Гуль, дойдя в повествовании до времен революции, просветленно горькую фразу: «Русские вообще легко теряют материальные ценности», добавляя еще и: «Я думаю, много легче, чем люди Запада».

Оно верно; но в первую-то очередь это относится именно к нам, русским интеллигентам, всегда жившим и живущим в сферах мысли. К нам, к нашей культурной элите, можно бы вполне применить, перенося их в земной план, слова Христа: «Царство Мое не от мира сего». Что ей были и есть прибыли, выгоды, комфорт и благосостояние? Главным для нее все это не было и не станет никогда...

В том же номере весьма любопытны продолжающиеся печататься «Воспоминания» А. Вырубовой. Жаль только, что они даны в переводе с английского, оставляющем желать лучшего. Например, вместо «самодержец» в тексте всюду стоит неудачное «авторкрат».

Хотя это и область «малой истории», заняты рассказы о невинных сердечных увлечениях детей нашего последнего царя. Оказывается, великая княжна Ольга Николаевна была неравнодушна к Борису Болгарскому, в ее сестру Марию был влюблен будущий король Румынии, тогда наследный принц, Карол. Об Алексее же Николаевиче Вырубова сообщает: «Еще совсем маленьким мальчиком он называл греческую принцессу Елизавету... своей невестой.» Трудно не подумать, что если бы не трагический конец всей семьи государя, не только бы участь нашей родины изменилась, но и других стран, в частности, и Болгарии, Румынии, Греции. И, вероятно бы, к лучшему!

Посмертное опубликование статьи князя Д. П. Святополка-Мирского «О современном состоянии русской поэзии» отнюдь не будет содействовать укреплению репутации (и вообще-то несколько раздутой) данного эмигрантского литературного критика, вернувшегося в СССР и погибшего в концлагере. Со странной близорукостью он пренебрежительно, — и даже с оттенком враждебности отзываясь о Гумилеве, Есенине, Цветаевой.. тут же с энтузиазмом превозносит безнадежно всеми забытых Казина и Радлову!

В журнале «Нива» за август большая редакционная статья посвящена полемике против «Голоса Зарубежья» и в частности автора данных строк под заглавием «Первая атака». Публикуя печатный орган, издатель и сотрудники всегда должны ждать откликов, включая и критику; можно даже ска-

зать, что полное отсутствие отзывов свидетельствует о бесполезности или слабости их начинания. Стоит ли обижаться на возражения и, в особенности, на чисто деловые замечания?

Коснемся их сути: «Нива» считает, что название России надо писать через одно **с**, в защиту какой-то точки зрения приводит несколько сбивчивые исторические и этимологические доводы. Не станем спорить. Но ведь покамест **вся** русская пресса, в СССР и за рубежом, ставит два **с**; русская классическая литература тоже соблюдает подобную орфографию. Итак, констатируем факт, что с одной стороны остается журнал «Нива» со своим смелым нововведением, а с другой — все остальные, в том числе и мы.

Еще менее стоит дискутировать о названии города Цинциннати. По мнению «Нивы» так его «русские дураки пишут на картах и в словарях». Вот и мы с ними. Что американцы произносят иначе, нам не кажется решающим аргументом. По этому принципу придется ведь писать **Пари** вместо **Париж**, согласно французскому выговору, **Вин** вместо **Вена**, согласно немецкому, **Рома** вместо **Рим**, согласно итальянскому. А до такого, слава Богу, еще не дошло. Вообще, мы придерживаемся правила сохранения русской традиции; да и обращаемся мы к русской аудитории по обе стороны железного занавеса стремясь говорить понятным и привычным ей языком.

Мы несколько не дискредитировали И. Н. Потапенко, беллетриста; наоборот, указывали, что он далеко не столь основательно забыт, как думает г-н Ваулин. Наше упоминание, что он был современником и знакомым Чехова, ничего презрительного в себе не содержало. Сообщение же нашего почтенного оппонента, что «братья Жемчужниковы... современники Козьмы Пруткова» нас озадачивает. По нашему разумению они являются не современниками вполне мифической личности Козьмы Пруткова, а (вместе с А. К. Толстым) — создателями оной.

Если «Ниве» не нравится наш разбор ее содержания, еще больше сердит ее наш анализ журнала «Время и мы». По счастью она приводит выдержки. Из них всякий объективно настроенный читатель убедится, что мы старались беспристрастно отметить дурное и хорошее, останавливаясь, например, как на вполне доброкачественной форме израильского журнала, так и на не всегда правильных идеологических высказываниях отдельных авторов.

Принимая во внимание чувствительность алабамского «иллюстрированного журнала литературы и современной жизни», не бу-

дем комментировать заполняющие его статьи. Грубые нападки на Солженицына, которого тут, без большого остроумия, именуют **Сатанысыном**, вряд ли вызовут симпатию у рассудительных людей. Но мы, как лермонтовский Арбенин: Советов не даем.

Читателей «Современника», которые, вероятно, в большинстве с увлечением следят за печатающимся в нем романом Л. Фабрициуса «Возврат», постигает неожиданность: главный герой, Карл Шолтис, внушавший прежде полное сочувствие, делает вдруг чудовищную вещь, предавая лучшего друга. Наоборот, казавшийся незначительным молодой дипломат Генрих Шмитке начинает выдвигаться на ведущую роль в повествовании. Насколько писатель в дальнейшем сумеет психологически оправдать подобные крутые повороты, покажет будущее; во всяком случае с тем большим нетерпением будет пока публика ждать очередного номера...

Будет она ждать и продолжения повести А. Гидони «Накипь», начинающейся в № 37-38, любопытной уже тем, что изображает жизнь сейчас в советских условиях, быт научных сотрудников и преломление в нем новейших мероприятий большевистского правительства и нарождающихся сдвигов в мышлении подъяремной интеллигенции.

Причастные к литературоведению оценят этюд М. Крепса «К вопросу о стихотворных переводах», включающий некоторые возражения В. Перелешину в связи с проблемами, всплывающими при переводе «Памятника» Горация.

Из стихотворных переводов В. Перелешина в том же номере «Современника» особенно удачно переданы два сонета Жоакену дю Белле, одного из наиболее блестящих представителей славной ронсаровской Плеяды.

Очерк К. Акулы о Максиме Богдановиче — самом оригинальном и выдающемся поэте Белоруссии во все времена, — был бы драгоценен, не будь он столь кратким. Трагически рано умерший Богданович, главным образом и ярче всего писавший на родном языке, умел и по-русски выражать свои чувства с высоким техническим мастерством, чему свидетельством его двойной акрости, открывающийся строками:

Ах, как умеете вы, Анна,
Не замечать, что я влюблен...

Прекрасны, как всегда, стихи Марии Волковой. Жаль, что подлинно талантливая поэтесса, как будто представлена в зарубежной литературе до сих пор всего одной

небольшой и ныне совершенно недоступной книжкой; ее лучшие вещи рассеяны по эмигрантским журналам, где их крайне трудно разыскивать...

Разбираемый номер «Современника» посвящен Н. Некрасову, различные аспекты творчества которого в нем анализирует А. Гидони (затрагивающий проблемы отношений Некрасова с Полонским и влияние, оказанного им на Евтушенко), Г. Румянцева и Л. Фабрициус.

Со смешанным чувством читаешь передовую «Новые вехи» в вашингтонском журнале «Зарубежная Русь» за июнь-июль. Ничего не хочется возражать на основную идею статьи:

«Русский подсоветский народ твердо и безоговорочно понял, что только истинные, освященные в веках национальные вехи — вера в Бога и преданность и верность отечеству, построенные на национальном фундаменте и исторических истоках, единственно смогут привести его к действительно отрадной и свободной жизни. Можно смело утверждать, что возврата к безбожному коммунистическому пути больше не будет».

Однако чрезвычайно резкие атаки на новейшую эмиграцию в целом, включая даже и Солженицына, вызывают горестное недоумение. Мы-то знаем, сколь различные тенденции в среде «новейших» представлены и насколько отличающимися между собою, нередко и спорящими между собою личностями. Со многими у нас общий язык сам собою образуется, с другими его возможным оказывается найти, с кем легко, с кем с усилием. Мы его будем и впредь искать с помощью Божией.

Ибо все, кто любит Россию и ненавидит большевизм, должны действовать сообща. А обижаться огульно на обширные пласты, на отдельные народности или общественные классы за то, что в их кругу появляются безответственные демагоги или вставшие, может быть и искренно, на ложный путь индивидуумы, — подобная позиция от лукавого и полезна только нашим врагам, врагам той самой национальной России, в служении каковой «Зарубежная Русь» видит свою главную задачу.

Недавно созданный монреальский журнал «На сходе» оставляет симпатичное впечатление, хотя и заполнен преимущественно перепечатками. На его страницах мы встречаем отрывки из «Владимирских проселков» В. Солоухина, из книги «О нашем уповании» о. Димитрия Дудко, стихотворения классических русских поэтов, как Ф. И. Глинка и А. К. Толстой, рядом с воспроизведением симоновского стихотворения «Ты помнишь,

Алеша, дороги Смоленщины». Широко представлены и очерки образовательного типа, например, о выдающемся русском механике А. К. Нартове, сподвижнике великого Петра, исследование генерал-майора фон Бутлера о ходе последней войны в России, обстоятельный этюд Ю. Ажажа «О летучем голландце, «дьявольском море и Бермудском треуголь-

нике». Несмотря на заимствованный характер материала, журнал имеет известное очарование и читается с удовольствием. Пожелаем ему развернуться и окрепнуть, и надеемся, что о последующих выпусках, когда вокруг него подберется большее число сотрудников, и он примет более самостоятельный вид, мы сможем побеседовать подробнее.

Е. КАРМАЗИН

О СТРУКТУРЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СССР

Структура управления предприятиями в СССР устанавливается главным образом в т. н. схемах должностных окладов, утверждаемых правительством. Там предусмотрены не только размеры окладов (минимум и максимум), но и названия должностей, разрешенных предприятию той или иной категории. Основные ограничения касаются здесь должностей начальников отделов: например, только предприятия первых четырех категорий имеют право на начальника планового отдела, для остальных трех категорий предусмотрен начальник планово-производственного отдела. Кроме этих ограничений есть еще и другие. Начальник отдела должен иметь в своем подчинении не менее 4 чел. Если же работа даже на предприятии высшей категории не требует такого количества сотрудников, то опять-таки должность начальника отдела не полагается.

Ограничения количества начальников отделов быть может и имеют некоторый смысл для экономии фонда зарплаты. Но эти ограничения автоматически переносятся на существование самих отделов, что не приносит ничего, кроме вреда. В самом деле, если бухгалтерия возглавляется ст. бухгалтером, плановый отдел — ст. экономистом, отдел труда — ст. нормировщиком, а технический отдел — ст. инженером, то почему общегосударственная схема должна мешать этому?

Между тем, как обычно в СССР, под существующие административные ограничения сразу же подводится теоретическая база, и научные труды на эту тему приносятся не меньше вреда, чем само административное ограничение. В данном случае, почти в любом учебнике экономики промышленности пишется, что совмещение функций оперативно-производственного планирования

(производственный отдел) и экономического (плановый отдел) имеет глубокий смысл, повышает эффективность планирования и т. д.

На самом же деле мало что может принести такой вред экономическому руководству предприятием, как объединение этих совершенно разнородных функций в одном отделе. Руководит этим отделом обычно инженер-производственник. Так как управление производством требует от него ежедневной кропотливой и напряженной работы и так как он имеет только поверхностные экономические знания, то управление экономикой происходит весьма неквалифицированно. Особенно это относится к наиболее сложным областям экономики, как себестоимость, цены и прибыль. Не случайно именно эти вопросы оказались самыми запутанными и потребовали после Сталина наибольших реформ.

При Сталине экономическая деятельность предприятий в значительной степени была сведена на нет. Экономисты занимались статистикой и составлением бесчисленных сводок — вплоть до ежедневных отчетов о выпуске продукции, — это считалось углублением экономической работы. С другой стороны были умышленно смешаны понятия экономики и планирования. Соответственно этому и отдел назывался не экономическим, а плановым (только в последнее время стало внедряться название «планово-экономический»). Дошло до того, что началась кампания за «доведение плана до каждого рабочего» — эта профанация экономики выдавалась за «конкретную экономику». Через плановый отдел пытались провести планирование работы всех отделов предприятия — снабжения, сбыта, новой техники и т. д. Понятно, что это не привело ни к чему, кроме развала экономической работы.

Все это, однако, не было случайным. Сталинская система индустриализации, приведшая к огромным убыткам и совершенно нерациональным расходам, нуждалась в том, чтобы скрыть все эти явления, а для этого надо было запутать экономическую деятельность на предприятиях. Основной удар был нанесен по ценообразованию и, соответственно, по себестоимости и прибыли. Цены на основные виды сырья — лес, руду, металл, топливо и др. были убыточными, а отсюда цены на все остальные промышленные изделия были необоснованными. Поэтому все экономические расчеты не имели никакой убедительной силы. Поэтому уже экономисты предприятий, имея все цифры на руках, не могли видеть, сколько прибавочного продукта присваивается ненасытным государством. И поэтому же была запутана схема управления, а экономисты были задав-

лены бесконечными сводками — чтобы не задумывались.

С тех пор, однако, прошло 20 лет. Уже искоренены основные деформации в ценообразовании, а себестоимость и прибыль в значительной мере восстановлены в своих правах. Экономическая деятельность занимает теперь гораздо более высокое положение, чем раньше. И только схемы структуры управления не изменились. Не изменилась и теория, послушно следующая за этими схемами. Все так же повторяет она, что объединение производственной и экономической работы в одном отделе ведет к лучшему осуществлению и той, и другой функции. И все так же сводится на нет экономическая работа в объединенных планово-производственных отделах. Такова сила административной и теоретической инерции, таков результат отсутствия свободы печати хотя бы в такой узко-специальной области.

«Новый Журнал» № 131 Июнь 1978 г.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ О НЕПРИЛИЧИИ И ОГЛОБЛЯХ

В «Вестнике РХД», № 123, ответственный редактор Никита Струве поместил статью «Пушкин и Бродский», подписанную какими-то инициалами. Почему не «Бродский и Пушкин»? Скажем честно, статья развязная и глупая. Сопоставление же имен, на наш взгляд, является литературно-общественным неприличием. Хотим думать, что в ближайших номерах «Вестника» не будут напечатаны статьи «Достоевский и Никита Струве» и «Граф Лев Толстой и Наталья Горбаневская». Кстати, пиша о Бродском Никита Струве приводит известнейшую строку Н. Гумилева и сообщает, что это — Иннокентий Анненский.

В дополнение к статье «Пушкин и Бродский» — несколько слов о русском языке Бродского. В своем «гениальном» письме «Дорогому Леониду Ильичу Брежневу» Бродский пишет о «наличии знания английского языка». По-русски может быть знание к. н. языка или незнание. Но «наличия знания языка» в русском языке нет. Это — жаргон. В том же № «Вестника» напечатана такая стихотворная строка Бродского — «Господа, разбейте хоть пару стекол!» В русском языке есть пара лошадей, пара брюк и др., но «пары стекол» еще никогда не было. В жаргоне есть. В другом недавнем стихотворении Бродского есть чудесная по незнанию и нечувствованию русского язы-

ка строка: — «Лошади бьются среди оглобель». Общеизвестно, что лошадей запрягают в оглобли, а не среди оглобель. И поэтому «биться» лошадь может только в оглоблях, а никак не среди них. Конечно, если к. н. дура-лошадь случайно забредет в пустой сарай и увидит там на земле валяющиеся какие-то оглобли и начнет среди них «биться», то это возможно. Но такую лошадь надо немедленно отправить к ветеринару, ибо у нее по всей вероятности начался менингит. Бродский русский язык до глубины не чувствует и сопоставления его с русскими классиками смехотворны.

Р. Г.

Главный редактор: В. Пирожкова
Секретарь редакции: И. Сабурова

Verantwortlich für den Inhalt:
V. Piroshkova

Адрес редакции: Frau I. Saburova
Regattaweg 88
D-8000 München 50
BR Deutschland

Банковский счет —
Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 München, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием
источника

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»
Сан Франциско, Калифорния, С.Ш.А.
GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

